

Дарья Донцова

Ессей КРОКО- ДИЛАМИ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Бассейн с крокодилами

«ЭКСМО»

2000

Донцова Д. А.

Бассейн с крокодилами / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2000 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

Даша Васильева очнулась в горящей комнате. На софе рядом с ней лежал обнаженный мужчина. Вглядевшись, она поняла, что это ее шеф Игорь Марков. Он был мертв... Чтобы доказать свою непричастность к смерти Маркова, Даша должна найти подлинных убийц. Пытаясь замести следы, они убивают всех, кто мог бы их разоблачить. Под угрозой вся Дашина семья. Но убийцы еще не знают, что их противник – не хрупкая и беззащитная женщина, а опытный частный детектив, за плечами которой не одно распутанное дело...

© Донцова Д. А., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дарья ДОНЦОВА

БАССЕЙН С КРОКОДИЛАМИ

Глава 1

Скучный вечер приближался к завершению. Дамы, увешанные ожерельями, серьгами и браслетами, уже разговаривали тише, кое-кто из мужчин включил сотовые телефоны. В последнее время на тусовках стало модно их отсоединять, всем своим видом демонстрируя: видишь, пришел в гости и забросил все дела.

На столе царил беспорядок, между блюдами тут и там торчали пепельницы с горами окурков. Несколько постоянно кочующих по разным мероприятиям халявщиков быстренько прятали в принесенные с собой пакеты остатки фуршетного изобилия. Я поглядела, как довольно импозантный седовласый мужчина с лицом профессора распахивает по карманам бананы, и отвернулась. Официанты начали разносить кофе. Слава богу, скоро можно убежать, вот уже и десерт появился – мороженое с печеньем, ликеры. Притащили огромный торт, выполненный в виде курицы, и хозяин под восторженные возгласы присутствующих принялся крошить его ножом. Кондитерский шедевр, изготовленный с пугающей достоверностью, являл собой огромную, около метра высотой, бисквитную наседку, покрытую разноцветными перьями.

Из чистого любопытства я подошла поближе и пощупала куриную «шубу». Под рукой закрипела бумага – ну конечно, никто не стал бы втыкать в торт настоящие перья. Но как похоже! Правда, есть такое совершенно не хочется. По-моему, отвратительная выдумка...

– Отвратительная выдумка, не находите? – раздался за спиной приятный мужской баритон.

Я обернулась. Рядом стоял, улыбаясь, высокий крепкий блондин, обвешанный фотоаппаратами. Роскошные волосы, похоже, побывали в руках дорогого парикмахера, безупречный вечерний костюм, к тому же черного цвета. Сейчас сплошь и рядом мужчины забывают золотое правило, сформулированное еще в начале века: после шести вечера не надевай ничего коричневого. Ровный загар покрывал добродушное, может, чуть излишне полноватое лицо, глаза – невероятного темно-вишневого оттенка. Словом, рядом со мной оказался человек, страшно похожий на мой мужской идеал. Когда-то, еще в юности, я представляла будущего мужа именно таким – высокий блондин спортивного телосложения и обязательно с карими глазами... Ни разу не встречала ничего похожего, и вот нате, глядит на меня и улыбается, да и возраст подходящий – между сорока и пятьюдесятью. Самый мой кавалер!

Вовремя вспомнив, что являюсь бабушкой двух внуков, я отогнала игривые мысли и улыбнулась в ответ.

– Вы правы, придет же в голову сделать такое. Хотя многим нравится.

Гости радостно растаскивали по тарелкам «курятину».

– Давно смотрю на вас, – продолжал блондин. – Вот решил подойти – коллегу издалека видно. Простите, не представился. Виталий Орлов, фотокорреспондент журнала «Мир женщин». А вы в каком издании служите?

– Отчего вы решили, что я журналистка?

– Ну, сразу понятно, – улыбался Виталий. – Во-первых, не стоите с гостями, а тихонько разглядываете их, во-вторых, не обвешаны с головы до ног драгоценностями, только вот сережки да колечко. Но, простите, в них слишком крупные камни, чтобы быть настоящими. И потом ваше лицо! Для бизнес-вумен слишком спокойное, для жены «нового русского» – чересчур интеллигентное. Правда, красотой не уступаете этим «мисскам»... Так что колитесь, где кормитесь?

Я вздохнула. Как все женщины, я падка на комплименты. Понимаю, что их произносят в основном от хорошего воспитания, но все же в голову иногда закрадывается мысль: а вдруг это правда?

Я проводила взглядом прехорошенькую блондиночку лет двадцати, нежно щебечущую возле толстого одышливого владельца «Омобанка» и отвела взор – нет, до этой мне далеко. Хотя тоже блондинка и достаточно стройна для своих лет. Впрочем, упоминать о возрасте ни к чему. Но собеседник прав: я умна, интеллигентна и абсолютно уникальна – так сказать, штучный вариант. Впрочем, кое в чем доморощенный Шерлок Холмс ошибся.

Эти не похожие на настоящие бриллианты идеальной чистоты и нехилого размера подарил мне бывший муж Макс Полянский за то, что я сумела вытащить его из тюрьмы. Кстати, именно Макс – хозяин сегодняшней вечеринки. Поэтому здесь и подали этот дурацкий торт. Полянский разбогател на торговле яйцами, а сегодня открыл магазин по продаже бройлеров со смешным названием «Цыпа». В честь основания торговой точки и устроен банкет. Я вообще-то терпеть не могу всяческие вечеринки, тусовки, празднования и ликования... Как правило, избегаю появляться на людях, лучше уж почитать детективчик, но Максу отказать не смогла. Тем более что у него новая любовница – красавица Алина, и он горел желанием показать мне даму сердца. Вот только не могу сосчитать, какой она станет ему по счету супругой – восьмой, девятой? Я-то оказалась третьей госпожой Полянской. И мы с Максом смеялись: счет – 3:3. Я – его третья жена, он – мой третий муж. Впрочем, пробыли мы вместе недолго, но хорошие отношения сохранили, сейчас просто добрые друзья.

И еще одна ошибка Виталия: я нигде не работаю потому, что богата просто до неприличия. Но, в отличие от большинства присутствующих в этом зале, моя семья получила капитал абсолютно законным путем – в наследство.

Не так давно я жила вместе с лучшей подругой Наташкой в крохотной двухкомнатной квартирке в Медведкове. Помните, как в советские времена зарплату с ужасающей точностью выдавали – 15-го и 30-го числа каждого месяца? Так вот, 13-го и 28-го мы принимались шарить по всем карманам и вытряхивать сумки в надежде найти там случайно завалившиеся копейки. Чего только не делали, чтобы скопить хоть какую-нибудь сумму. Пытались заводить сберкнижку и класть на нее каждый месяц по пятнадцать рублей, покупали копилку, засовывали десятикопеечные монеты в пустую бутылку из-под шампанского... Все без толку. Да и откуда было взяться деньгам? Я работала в третьесортном институте технической направленности на кафедре французского языка. Наташка трудилась там же, получая ставку лаборанта. На круг выходило чуть больше двухсот рублей. А в семье двое детей – сын Аркадий, дочка Маша да еще собака, кошка, постоянно приносившая котят, морские свинки, хомячки, удав и ручная крыса Фима.

Целыми днями мы носились по частным урокам, но времена на дворе были застойные, иностранный язык казался людям совершенно ненужной роскошью, за час платили полтора рубля...

Ситуация резко изменилась в 80-х. Наталья неожиданно вышла замуж за француза и укатила в Париж. В столице моды подруга не растерялась, быстренько развелась и вновь побежала под венец. Так она оказалась баронессой Макмайер, богатой и праздной дамой. Потом случилось несчастье – супруга ее убили, и Наташка получила в наследство огромный трехэтажный дом в предместье столицы, коллекцию картин, отлично налаженный бизнес и счет в банке. Никаких родственников у несчастного Жана не было, Наталья оказалась единственной наследницей. Жизнь всей нашей семьи кардинально изменилась. Вначале мы все сгоряча остались во Франции, но потом затосковали... А тут подоспел закон о двойном гражданстве. Теперь у каждого члена семьи по два паспорта, и мы живем совершенно необыкновенной жизнью: разъезжаем туда-сюда.

Богатому человеку везде хорошо. Выстроили дом в поселке Ложкино, недалеко от Кольцевой дороги и поселились все вместе. Честно говоря, нас не так уж и много – Аркашка, его жена Оля, двое детей-близнецов – Анька и Ванька, сестра Аркадия и моя дочь Маруся, няня Серафима Ивановна, кухарка Катерина, домработница Ира – вот, собственно говоря, и все. Наташка в основном живет во Франции.

Став «новыми русскими», мы не сумели расстаться со старыми привычками. Молодежь продолжает учиться и работать, хотя необходимости зарабатывать деньги нет.

Кеша – адвокат, невестка, имеющая дома кличку Зайка, отважно борется с иностранными языками в институте, Маруся ходит в колледж, готовится к поступлению в Ветеринарную академию, посещает художественную школу...

Нашла себя и Наталья. У подруги внезапно открылся писательский талант. Она строит на французском языке угрожающе толстые и невероятно сладкие любовные романы. Речь в них идет об ужасающих временах советской истории. Главные герои – все как одна простые женщины, влюбляющиеся в диссидентов. Описания лагерных кошмаров и пересыльных тюрем перемежаются страстными постельными сценами и слащавыми признаниями... Откуда подруга черпает материал, остается для меня настоящей загадкой. В тюрьме она никогда не сидела, а лагерь видела только в детстве, да и то пионерский.

Но, к удивлению домашних, «блюдо» пришлось по вкусу француженкам, и они буквально расхватывают Натальины книжки. В прессе появляются бесконечные рецензии, гонорары приятно радуют.

Так что все члены семьи при деле, кроме меня. Я бездельница и лентяйка, не способная заработать даже на чашку кофе. Талантами не обладаю и умею только одно – вдалбливать в студенческие головы азы французской грамматики. Умею, но не хочу, потому что надоело.

Охотнее всего я валяюсь на кровати и читаю детективы. Я самозабвенно люблю таинственные истории и пару раз помогла друзьям, попавшим в трудное положение. Нашла убийцу Лариски, сумела восстановить справедливость и оправдать Рому, отыскала похищенных детей Лиды, вытащила из тюрьмы Макса...

Наверное, мне следовало стать детективом, да кто же предложит такую работу хрупкой даме, не имеющей юридического образования?

Виталий между тем продолжал мне улыбаться. В его глазах сквозило явное восхищение, и мне не захотелось говорить мужику правду. Пусть гордится своей проницательностью и думает, что угадал.

– Вы правы, – произнес мой язык. – Я журналистка, только не имею постоянного места, существую, так сказать, на вольном выпасе. Дарья Васильева.

– Понятно, – протянул собеседник, окидывая взглядом простенькое маленькое черное платье от Шанель.

Выглядит оно очень скромно, зато цена тянет на месячный бюджет зажиточной семьи.

Но Виталий, очевидно, плохо разбирался в модных вещах, потому что сказал:

– Тут все самое интересное кончилось. Хотите поедem к моему другу на вечеринку? Гарантирую вкусный стол и отличную выпивку.

– Вроде сыта, – протянула я, лихорадочно соображая, как поступить.

– Ой, ладно тебе, – махнул рукой Виталий, переходя на «ты», – давно за тобой наблюдаю. Ни разу к столу не подошла, по углам трешься. Так на фуршетах нельзя, голодной останешься. Хорошие манеры дома оставь. Наверное, думала познакомиться с кем-нибудь, чтобы работу получить? Да не стесняйся, отлично понимаю, сам недавно на биржу бегал...

Я поглядела в его добродушное, излучающее тепло лицо. Значит, Орлов принял меня за безработную...

– Уже поздно, десять почти...

– Самое гулянье, – ответил ухажер, – пошли одеваться. Кстати, может, удастся тебе работенку подыскать. У Игоря собственное детективное агентство, вечно сотрудников не хватает. Ты, должно быть, филологический заканчивала?

Я кивнула.

– Вот и чудненько, а у Игорька восемь классов и строительное ПТУ за плечами. Постоянно теток нанимает отчеты проверять – ну там, грамотность, запятые, вот ты и подработаешь корректором...

Он радостно засмеялся. Бывают же такие милые люди, для которых оказать услугу другому – просто счастье. И потом – детективное агентство! Мечта всей жизни! А сам Виталий – оживший девичий сон.

Орлов притащил из гардероба мою легонькую курточку, подбитую мехом, и сочувственно сказал:

– Оделась не по погоде: прикид-то на рыбьей подстежке. Декабрь все-таки, хоть и теплый.

Я промолчала. Редкий автомобилист натягивает дубленку или шубу, а насчет рыбьей подстежки кавалер вновь не прав. Тоненький непрезентабельный серый мех, больше всего смахивающий на кроличий, при жизни принадлежал шиншилле. На мой взгляд, неоправданно дорогой и разрекламированной крысе. Но греет отлично. Просто в Париже считается дурным тоном демонстрировать богатство, поэтому дорогие зимние вещи шьют мехом внутрь. Это только в Москве можно встретить в метро в полдень даму, обвешанную бриллиантами и подметающую пол подолом собольего мантио. Если бы подобный экземпляр оказался в парижской подземке, пассажиры решили бы, что это проститутка, едущая на работу по недоразумению общественным транспортом, а под длинной шубой скорее всего голое тело...

– И туфельки-то тоненькие, – продолжал сокрушаться Виталий, ткнув пальцем в открытые лодочки.

– Здесь все дамы в таких, сапог не видно...

– Так они в машинах приехали!

Резонное замечание. Впрочем, я тоже в «Вольво» прикатила. Стоит в непосредственной близости от парадного входа и терпеливо ждет хозяйку. Но безработной журналистке шикарный автомобиль не по карману, поэтому я быстренько пробежала мимо верного коняшки, чувствуя, как мелкие снежинки падают на ноги.

У Орлова оказались «Жигули» девятой модели со слегка помятым правым крылом.

– Садись, – предложил он, галантно распахивая переднюю дверцу, – сейчас печку включу.

Через минуту заработала не только печка, но и магнитофон. «Я люблю все твои складочки», – запела развязным тоном девица. Да уж, никогда мне не понять лесбиянок: мало того, что она увлеклась бабой, так еще и жирной, в складках...

Виталий быстро крутил рулем, улицы были почти пусты. Непогода заставила москвичей сидеть по домам. Редкие прохожие неслись опрометью, словно испуганные кошки, разбрызгивая в разные стороны жидкую грязь.

Машина вылетела к метро «Кропоткинская» и запетляла по переулкам. Наконец, проскочив какое-то посольство, замерла у большого серого дома, построенного явно в начале века.

Виталий позвонил в домофон, и дверь немедленно распахнулась. Да уж, в те далекие времена, когда проектировалось здание, на размеры не скупилась. Подъезд походил на небольшой аэродром. Невероятной ширины лестничные пролеты плавно уходили ввысь. Мы полезли вверх – естественно, на последний этаж.

Хозяин приветливо улыбался на пороге.

– Здорово, Игоряша, – расцвел Виталий, – решил заглянуть к тебе с дамой.

– Вот и чудесно, – ответил Игорь, провожая нас по московской привычке на огромную кухню.

Скорее всего, чтобы получить такой тридцатиметровый «пищевлок», пришлось ломать несколько стен. Архитекторы царской поры полагали, что барин и барыня станут вкушать яства в столовой, а готовить будет кухарка – ей много места не нужно. Кстати, и у французов кухни невелики – подавать пищу принято в комнатах... Но для бывшего советского, а ныне российского гражданина большое помещение с плитой – это не просто кухня, а вопрос престижа. Поэтому и крушим стены.

– Ну, – обратился ко мне Игорь, – что будет пить дама? Ликер, коньяк, шампанское?

Я оглядела абсолютно пустой обеденный стол и пробормотала:

– Можно минеральной воды?

– Витька, – восхитился хозяин, – где взял такую неприхотливую подругу?

Орлов рассмеялся. Игорь открыл огромный четырехкамерный холодильник и принялся, насмистывая, разглядывать полки.

В кухню легким шагом вошла полная женщина в шикарном халате – кимоно. Не обращая внимания на гостей, она повернулась к плите, взяла маленькую кастрюльку, накрытую крышкой, и так же молча удалилась.

Странное поведение хозяйки озадачивало, и я пробормотала:

– Наверное, ваша жена сердится, что мы заявились на ночь глядя да еще без звонка...

– А, – отмахнулся Игорь, – у нее просто голова болит, не обращайтесь внимания. Ну, давайте за встречу.

Мужчины принялись болтать об общих знакомых. Я тихонько сидела в углу, разглядывая хозяина. Игорь проделал большой путь, если Виталий не ошибался, называя его бывшим строителем. Во всяком случае, сейчас его руки блистали безупречным маникюром и белизной. Лицо покрывал ровный загар, но не тот, который украшает щеки каменщика, работающего весь день под палящим солнцем, а легкая коричневатая дымка, которую получают либо в солярии, либо на пляже. Учитывая стоящий на дворе декабрь, можно было предположить, что Игорь недавно вернулся из Таиланда, Индии или, на худой конец, Австралии. И вообще у него вид богатого человека – спокойный, уверенный, не суетится, разговаривает негромко, одет безукоризненно.

– Виталий говорит, что вы филолог и без работы? – неожиданно обратился ко мне Игорь.

– Да.

– Грамотная?

– Кажется.

– Пишете без ошибок?

– Как правило.

– А с запятыми как?

– Вроде нормально.

– Чудесно, – обрадовался Игорь, – как раз ищу такого человека. Видите ли, я так и не закончил школу. Из восьмого класса вылетел за неуспеваемость, загремел в ПТУ, а там и не учили как следует. Вот штукатуришь могу, а письмо написать или записку – нет. Ляпаю дурацкие ошибки... Витька говорил, что у меня детективное агентство?

Я кивнула.

– Так вот, клиентам приходится отчеты вручать, не хочется идиотом выглядеть, и я сотрудникам не рассказываю о проблеме. Нанимал разных людей, да все как-то не вытанцовывалось. Сначала учительницу русского языка пригласил, пенсионерку. Всем хороша, но замутила наставлениями. Выправит бумаги и объясняет: это по правилу безударных гласных, здесь чередование в корнях... Ну за каким шутком мне эта наука? Ладно, уволил. Нанял девчонку молодую, только-только Литературный институт закончила. Эта правила орфографии не объясняла, зато принялась править стиль. Ну, предположим, написано: объект ходил вокруг дома. Исправляет: объект обходил дом. Чувствуете разницу?

Я кивнула.

– Дальше – хуже, – продолжал Игорь. – Нашел профессиональную редакторшу из издательства «Наука». Всем хороша, но язык длиной в километр. Давай им махать, всем рассказывать об отчетах, ахать и ужасаться. Пришлось избавляться. Теперь место вновь вакантно. Можете хоть завтра начинать...

Я возликовала. Ну кто бы мог подумать, что скучный вечер завершится таким изумительным предложением! Сначала стану «орфографическим словарем», а там, глядишь, и в агенты пролезу, главное – зацепиться.

Глава 2

В Ложкино я явилась около двух часов ночи. Сначала ужинала у Игоря, потом Виталий решил во что бы то ни стало отвезти меня домой. Представляю, как вытянулось бы у него лицо при виде нашего двухэтажного дома, стоящего в конце огромного участка... Пришлось соврать, что живу недалеко от ресторана, где Макс праздновал открытие магазина. Орлов галантно притормозил возле неказистого блочного домика, на который я указала пальцем. Скорее всего кавалер рассчитывал на приглашение и приятное продолжение вечера, но я быстро сообщила, что живу с девяностолетней мамой и двумя не менее престарелыми тетушками. Бабули страдают старческой бессонницей, к тому же у них обостренный слух. Виталий недоверчиво хмыкнул, но уехал, не забыв на прощание попросить телефон. Я не растерялась и сообщила номер, только последнюю цифру назвала неправильно – не восемь, а семь. Орлов подождал, пока дама исчезнет в подъезде, и уехал.

Я выскочила на темную, абсолютно пустую улицу и понеслась к замерзшему «Вольво». Конечно, Орлов милый человек, к тому же познакомил меня с Игорем, но заводить романы мне сейчас недосуг. Впереди маячит увлекательная работа в детективном агентстве. Как правило, все флирты заканчиваются одним и тем же – любовники, страшно злые друг на друга, разбегаются в разные стороны, проклиная день и час встречи. Ну прикиньте на минуту: сначала знакомство, потом ухаживание, следом интимные взаимоотношения, и через некоторое время наступает фаза скандалов, выяснения отношений и неизбежный разрыв. Куча разбитой посуды, горы оберток от выпитых успокаивающих средств и море слез... Так, может, лучше сберечь нервы и миновать промежуточные стадии? Сразу после знакомства переходить к разрыву?

Дом встретил меня темными окнами. Конечно, все преспокойненько спят, никому нет дела до матери! Я повернула ручку, вошла в холл, зацепилась за что-то ногой и с ужасающим грохотом и звоном рухнула на пол.

Послышались цоканье, разноголосый лай – в прихожую влетели все наши собаки: питбуль Банди, ротвейлер Снап, пуделиха Черри, йоркширская терьерка Жюли и английский мопс Хуч.

Я не видела их в кромешной темноте, а только слышала возбужденное дыхание. Всю жизнь сама любила животных, а подрастающие дети регулярно тащили в квартиру больных бездомных собачек и кошек.

Однажды я выворачивала карманы школьных брючек Аркашки перед стиркой. Там, как правило, находился всякий мусор: гвоздики, липкие леденцы, кнопки, палочки, крошки... Но в тот раз выпал только очень грязный скомканный носовой платок. Ничего не подозревая, я развернула его и заорала как невменяемая. Внутри оказаласьдохлаямышь. Вызванный на допрос первоклассник, глотая слезы, сообщил, что в школе травили хвостатых. Один грызун выскочил прямо под ноги Кеше. Мальчик пожалел беднягу, закутал для тепла в носовой платок и сунул в карман. Потом, конечно, забыл. Установить причину смерти мыши оказалось невозможно: то ли скончалась от яда, то ли отбросила лапки в результате трогательной заботы.

Но пять собак все-таки слишком. И, честно говоря, мы хотели иметь только двух – пита и ротвейлера. Покупали псов для охраны. Заводчики заверили, что более злых экземпляров не найти. Но, очевидно, нам попались генетические уроды. Снап занят только едой, обожает всех входящих в дом и норовит облизать гостей с ног до головы. Правда, он храбро нападает на ворон в саду, однако от нашего попугая Коко предпочитает держаться подальше, опасаясь крепкого птичьего клюва. Банди же панически боится кошек. Хотя этому есть материалистические объяснения. Пита принесли беспомощным щенком в дом, где безраздельно царствовали ангорка Фифина и трехцветная Клеопатра. Киски принялись всю воспитывать неразумного

младенца. Досталось бедняге по полной программе. И результат не замедлил сказаться: при виде любой кошечки наш храбрый Бандюша лезет под диван. К тому же у него оказалась чрезвычайно уязвимая нервная система – при малейшем испуге пит моментально растопыривает ноги и писается. Пуделиху Черри оставил несколько лет тому назад один знакомый, уезжавший в командировку. Всего на пару дней! Потом у Аркашки с Ольгой родились близнецы, в доме появилась няня Серафима Ивановна с йоркширской терьерницей Жюли под мышкой. А английский мопс Хуч вообще-то принадлежит ближайшему другу, полковнику Дегтяреву. Но мужчина работает в системе МВД и день-деньской, а порой и ночь проводит на службе. Маленькая собачка принялась тосковать, потом болеть, пришлось принять ее в стаю. Вот так и живем, да еще прибавьте к собакам кошек Фифину и Клеопатру, дружную семью морских свинок, попугая...

Я ворочалась в скользкой луже, изо всех сил пытаюсь встать, но ноги разъезжались, под руками была какая-то липкая масса...

Вспыхнул свет. На пороге шурился встрепанный Кеша, на нем не было ничего, кроме трусов.

– Мать?! Что случилось?

Я поглядела на огромную лужу крови под ногами и заорала от ужаса. Боже, разодрала обо что-то вену и сейчас умру!

– Мусечка, – завопила влетевшая Манюня, – упала?

– Является ночью и будит весь дом, – возмутилась Ольга, замотанная в тепленькую байковую ночную рубашку, – вбежала как ненормальная, краску разлила.

Я прекратила визжать и переспросила:

– Краску?

– А что же еще? – спросила Зайка. – Именно краску.

– Мне показалось, что я истекаю кровью...

– Господи, – вздохнул Кеша, – мать, у тебя богатейшая фантазия: сразу кровь, трупы, убийства. Меньше детективы следует читать, тогда ничего и не причудится.

Кое-как я приняла вертикальное положение и обозрела пейзаж. Так, платье от Шанель окончательно испорчено, но что случилось с нашим холлом? Кругом какие-то банки, мешки, коробки... Еще утром здесь царила безукоризненная чистота...

– Завтра начинаем ремонт, – гордо сообщила Зайка. – Весь день по магазинам гоняли, искали стройматериалы...

– Ремонт? – переспросила я в ужасе. – Ремонт?! Зачем?! Жили спокойно...

– Безобразие! – возмутилась Ольга. – Ты когда-нибудь голову вверх поднимаешь? В гостиной по потолку пошла трещина, в кухне все углы черные, в столовой стены в каких-то пятнах...

– Зачем же бегали по магазинам? Сейчас бригады приходят со своим материалом...

– Мы с Кешой хотим делать ремонт собственными руками, ну еще Маня поможет, – гордо заявила Ольга. – Вот, смотри!

И она протянула мне толстенную книгу «Уют и комфорт за две недели».

Ремонт! Собственноручно! В доме, где, кроме двенадцати комнат, пять ванных и столько же санузлов, да прибавьте к этому огромную террасу. Правда, сейчас она закрыта, и вообще, кто же пускается в такие авантюры зимой – на дворе декабрь! Опять у Зайки припадок хозяйственности. Надеюсь, не надолго, скоро ей надоест возиться в грязи, и они наймут профессионалов.

Утром я спустилась в столовую как зомби. Будильник прозвенел в семь, и, хлопнув по нему рукой, я чуть не послала подальше всю затею. Ну не могу я вставать рано!

Однако в половине восьмого все же дошлепала до буфета и ухватила холодный кофейник. Ну почему в нашем доме никогда не бывает горячих напитков!

Домашние в полном составе ели омлет. Маша, естественно, сейчас отправится в колледж, а вот Кеша с Зайкой чего вскочили? Вроде бы у сына пока нет никакого дела, Ольга пишет диссертацию и вообще не обязана являться в институт.

Ремонт! Боже, неужели этот кошмар станет явью?!

– Мать, – изумился Кеша, – не спится?

– На работу тороплюсь.

– Куда? – в один голос воскликнули дети.

– Нашла себе место.

– Кем? Где? – вразнобой принялись интересоваться дети.

– Надоело бездельничать. Пристроилась в фирму, редактировать бумаги.

– В издательство? – спросила Зайка.

– Не совсем. Так, некая лавочка, ерундой занимается, – принялась я выкручиваться, боясь сказать правду.

Только милые детки прослышат про детективное агентство, тут же запрут меня дома и станут еду подавать в комнату.

– И сколько тебе будут платить? – поинтересовалась Манюня.

Я растерялась. Ну надо же, про зарплату-то и не спросила. Хороша безработная!

Но стоило мне переступить порог агентства, как улыбающийся Игорь сообщил:

– Пока стану давать 400 долларов, а там поглядим.

Меня препроводили в маленькую комнатенку и оставили наедине с кипой бумажек. Хозяин не лукавил – он был абсолютно, картинно безграмотен. «Объект пашел на право и сдесь ево пасаждали в машину». Просто катастрофа.

Через пять дней борьбы с «авторским стилем» я слегка приуныла. Никакой оперативной работы и в помине не было. В девять утра на стол сваливали разрозненные листочки. Как правило, дневники слежки. Никаких имен, только буквы. О. Р. С... Наверное, клиенты понимали, о чем речь, я же – ни слова. Сотрудников не встречала, даже не представляю, столько народу здесь трудится. Дело имею только с Игорем, а он, мило улыбаясь, протягивает работу. Светла знакомство лишь с приветливой Леночкой, секретаршей. Но глупенькая по внешнему виду девушка любой разговор сводила к теме модной одежды. То ли хитра до невозможности, то ли и в самом деле дура...

В конце концов я решила действовать и пожаловалась Виталию:

– Уж очень скучное занятие, засыпаю от тоски...

Орлов приезжал в агентство каждый вечер к шести часам, именно в тот момент, когда Игорь говорил:

– Ну что ж, Дашенька, до завтра.

Я выходила из кабинета и налетала на Витю.

– Небось не обедала, – ласково бормотал тот и брал меня под локоток, – поехали, съедим по котлетке.

Мужик явно ухаживал, пуская в ход обычный набор соблазнителя – букеты, конфеты, рестораны, театр...

Не скажу, чтобы мне были противны его усилия. В некотором роде даже приятны. Женщина я свободная, супругом не обремененная, дети почти выросли... Вот только замуж не хочу, хватит, выходила четыре раза и пришла к неутешительному выводу: зверь по имени Даша Васильева в неволе не живет. Но процесс ухаживания доставлял удовольствие. Был, правда, один недостаток: «Вольво» пришлось оставить в гараже и передвигаться на такси. Все никак не могла сообщить кавалеру, что в средствах не нуждаюсь...

Витя с удивлением поглядел на меня.

– Скучно? За четыреста долларов? Ну знаешь! Мне в редакции меньше платят.

– Да, – протянула я, – конечно, понимаю, но вообще-то хотела не этого...

– А чего?

– Обожаю заниматься расследованием, распутывать всяческие детективные истории, надеялась, что Игорь даст увлекательную работу, а тут одни бумажки.

Кавалер хмыкнул.

– Не женское это дело. Игорьку просто в голову не пришло использовать тебя на ниве сыска... Хочешь, попрошу его?

Я радостно закивала головой.

– Да, очень, просто безумно...

– Ладно, – улыбнулся Виталий, – сегодня же вечером составлю протекцию, глядишь, у тебя и впрямь талант сыщика откроется. Кстати, похоже, я неправильно записал твой телефон. Звонил, звонил, а какая-то баба все время отвечает: нет такой.

– Тетушка вредничает, – быстренько сориентировалась я, – как слышит мужской голос, сразу звереет.

– Ну-ну, – пробормотал кавалер, закуривая «Ротманс», – бывают такие противные старухи. Моя мать тоже жутко бесилась, когда бабы звонили.

– Сейчас перестала?

– Умерла в прошлом году, – пояснил Орлов.

Да, жаль, что я приняла твердое решение больше никогда не выходить замуж. Такой шикарный вариант: хорош собой, неглуп, добр, а в придачу еще и сирота. Подобное случается только в кино.

...Холл выглядел как после Мамаева побоища, впрочем, гостиная тоже. Мне удалось убедить Зайку сначала привести в порядок только потолок в одном помещении. И сейчас, заглянув в дверь, я обнаружила невестку на козлах, азартно размахивающую валиком. Запах стоял отвратительный. Ольга походила на далматинца, вся в каких-то пятнах.

– Пришла! – обрадовалась невестка. – Давай помогай.

Ну уж нет. И я тихонько пробормотала:

– А где остальные?

– У Мани семинар в Ветеринарной академии, Кешка ушел на дежурство, а Ирка с Катериной сообщили, что у них аллергия на краску, и заперлись на кухне, – обиженно сообщила Ольга.

И правильно сделали, мы им платим за домашнюю работу, а не за услуги по ремонту квартиры. Значит, хитрые дети умчались, и мне пора что-то придумать, а то Зайка уже слезла с лестницы и, хищно улыбаясь, движется мне навстречу с валиком в руке.

– Видишь ли... – завела я, и тут зазвенел мобильный.

– Даша, – донесся безумно знакомый голос, – надо встретиться.

– Кто это?

– Твой начальник.

– Кто? – изумилась я. – Какой начальник?

В трубке секунду помолчали, а затем тот же голос пояснил:

– Самый обычный, Игорь, Игорь Марков.

Я обалдела.

– Откуда узнали номер?

Детектив засмеялся:

– Ну просто прелестная наивность. Надеюсь, ты понимаешь, что, списав данные твоего паспорта, я тут же проверил его владелицу со всех сторон.

Я потрясенно молчала. Все, конец работы детектива, впрочем, так и не начавшейся. Меня, естественно, с позором выгонят.

– Завтра не приходите?

– Почему? – удивился Игорь.

– Ну...

– Меня не колышет твое материальное положение и социальный статус, – пояснил работодатель. – Трудишься ты хорошо, аккуратно, не болтаешь, я тобой доволен. Кстати, поговорил тут с Витькой. Он надоумил дать тебе кое-какое поручение. Заодно и знание иностранных языков пригодится... Можешь сейчас подъехать? Да садись в «Вольво», конспираторша. Твои отношения с Виталием меня совершенно не касаются. Я чужие тайны не выдаю. Так что если не хочешь смущать мужика богатством, то и не надо, усекла?

– Усекла, – радостно крикнула я, предвкушая нечто интересное, – несусь. Только адреса не помню, один раз в гостях была.

– Я не дома, – пояснил Игорь, – а на оперативной квартире. Пиши: улица Строителей, дом два.

Сунув мобильник в карман, я полетела к двери.

– Куда? – закричала в негодовании Зайка. – А потолок?

– Прости, дорогая, на работу вызывают.

– Какая работа, – возмутилась Ольга, ткнув пальцем в экран телевизора, – программа «Вре-мя» началась.

Не слушая упреков, я бросилась со всех ног в гараж и впопыхах выполнила любимый Марусин трюк – со всего размаху наступила на тонкий длинный хвост пита. Бандюша заорал как ненормальный. В гостиной моментально что-то упало, и тут же закричала Зайка. Но мне было недосуг разбираться с домашними – впереди маячило увлекательное приключение!

До Юго-Запада я донеслась на одном дыхании, моментально отыскала нужный адрес, взлетела на второй этаж, позвонила. Дверь тут же отворилась. В квартире стояла звенящая тишина. Свет выключен, и после довольно ярко освещенной лестничной клетки глаза не сразу привыкли к непроглядной темноте. К тому же дверь как-то неожиданно, как бы сама собой захлопнулась. Стало немного не по себе.

– Одна пришла? – раздался шепот.

– Да.

– Сын и невестка не провожали?

– Нет, – удивилась я, – зачем? Они заняты.

– Чудесненько, – прошелестел Игорь.

Потом что-то пребольно кольнуло меня в бедро, и ноги, разом став ватными, подломились в коленях.

Глава 3

Я сидела в безумно прокуренной комнате и, морщась, вдыхала дым. Противный, вонючий, он заставил меня резко закашляться, и мои глаза открылись.

Боже, оказывается, я сплю, а вокруг пожар. Языки пламени лижут край небольшой софы, где рядом со мной лежит абсолютно голый мужчина. Может, все еще сон длится? Но нет, пламя бойко подбиралось к ногам, нечего было и думать о том, чтобы погасить его подручными средствами. Обмотав тело простыней, я резко потрясла мужика:

– Эй, вставай, мы горим!..

Но он не откликнулся. Я принялась тянуть его за руку и увидела лицо Игоря с широко открытым ртом. Глаза глядели, не мигая. Он потерял сознание и сейчас задохнется. Откуда-то взялись нечеловеческие силы, и я, взвалив тяжелое неподатливое тело начальника на плечи, поволокла его сначала в коридор, а потом на лестничную клетку. С душераздирающим воплем: «Пожар!» я принялась что было сил стучать в дверь соседней квартиры.

Высунулась встрепанная девчонка и, увидав происходящее, тут же вызвала пожарных. Судя по звукам, огонь тем временем пожирал все что мог, разбиваясь пока о железную дверь.

Буквально через несколько минут прилетела, завывая, красная машина. Парни принялись тащить по лестницам какие-то брезентовые штуки и ящики. Появившийся неизвестно откуда врач потрогал Игоря, перевернул мужика на живот и, безнадежно вздохнув, подошел ко мне с дурацким вопросом:

– Как самочувствие?

– Что с Игорем? – спросила я в ответ, сотрясаемая крупной дрожью, несмотря на то, что кто-то из сердобольных соседей накинул мне на плечи одеяло.

– Вашего мужа спасти не удалось, – пробормотал врач, вытаскивая из ящика какие-то ампулы. – Похоже, сердце отказало, но подробности после вскрытия узнаете. Как же это вы так. Небось курили в постели?..

– Он мне не муж, – забормотала я, глядя, как по лестнице бегают пожарные. – Я знаю его всего неделю...

– Понятно, – протянул доктор и посмотрел на любопытных, устроившихся на подоконнике. – Слушайте, бабы, возьмите кто-нибудь потерпевшую в квартиру. Сидит тут голая...

– Пошли, – тут же откликнулась первой соседская девчонка, вызвавшая пожарных.

Мы вошли в небольшую комнату. У стены сучал диван с весьма несвежим постельным бельем. На кресле в беспорядке валялось неожиданно дорогое бельешко: кружевное черное боди и тоненькие колготки, все это пахло приторными духами явно арабского происхождения. Девчонка распахнула шкаф и вытащила потрепанные джинсы, синенький свитерок. Потом бросила мне упаковку трусиков и носки.

– Надевай, не голой же сидеть.

Полная благодарности, я натянула шмотки. Почти как раз, только джинсы слегка великоваты.

– Ну и талия у тебя, – завистливо отметила добрая самаритянка, – небось гимнастику целый день делаешь...

При этих словах в комнату вошли два офицера и принялись выбивать из меня информацию. Но я не могла сообщить ничего интересного. Пришла в гости к Маркову, почему-то упала в обморок на пороге, а очнулась голой на кровати в эпицентре огня...

Один офицер молча записывал показания, другой недоверчиво переспросил:

– Значит, явились к начальнику на дом ночью? Работать?

– Марков заведовал детективным агентством...

– Понятно, – сомневающимся тоном протянул пожарный, – а разделись догола зачем?

– Не знаю, упала одетой.

С недогнущими лицами офицеры записали весь этот бред в блокнот и, еще раз уточнив мои данные, ушли. На лестнице установилась тишина. Зарычал мотор, красная блестящая машина уехала. Я повернулась к девчонке:

– Поеду домой, вещи постираю и верну.

Та великодушно сообщила:

– Можешь не торопиться, все равно такую дрянь не ношу. Надень кроссовки в передней...

«Вольво» мирно поджидал хозяйку в дальнем углу двора. Ключи вместе с одеждой, сумкой и мобильным скорее всего погибли в огне. Но, как многие рассеянные люди, я держу под бампером запасной комплект ключей.

Утром я долго мылась в ванной, пытаясь обрести душевное равновесие, но абсолютно не преуспела в этом занятии и спустилась в столовую, сохраняя в душе нервное напряжение.

Стоило войти в комнату, как сердце мое неприятно екнуло. За большим круглым столом восседал ближайший приятель – полковник Дегтярев. Александр Михайлович преспокойно ел творожную запеканку. Увидев меня, он отложил чайную ложку и, мило улыбаясь, спросил:

– Выспалась, Дашутка?

Больше всего боюсь, когда мой испытанный друг наклеивает себе на лицо сладенькую гримасу, а уж если начинает называть Дашуткой, то, значит, сейчас разразится буря, по сравнению с которой тайфун «Эдуард» – детский лепет.

– Спасибо, – осторожно ответила я, – великолепно отдохнула.

– Надо же, – продолжал фальшиво растягивать губы приятель, – скажите пожалуйста, какая отличная нервная система. У меня бы после подобных приключений началась бессонница...

– Ты все знаешь? Откуда? – решила я аккуратненько разведать обстановку.

– В сводке происшествий за сутки прошли твои данные, – пояснил Александр Михайлович, буравя меня тяжелым взглядом.

Нашей дружбе много лет. Дегтярев испытанный, надежный человек. Как-то раз мне приснился кошмар: почему-то я должна куда-то бежать, вроде совершила какое-то преступление – то ли убила кого, то ли украла формулу ракетного топлива. Во всяком случае, во сне я бестолково неслась, преодолевая разнообразные препятствия, к тому, кто спасет, укроет, поможет, – к Александру Михайловичу.

Мои дети долго надеялись, что когда-нибудь полковник предложит их матери если не сердце, то хотя бы руку, а я отвечу «да». Но заводить любовные отношения с приятелем, которого после двадцати лет дружбы знаю как облупленного, просто невозможно. На глазах у Дегтярева прошли чередой мои четыре мужа, и он только кричал, глядя, как я с радостным лицом в очередной раз бежала в загс. В конце концов не вынес и заявил: «Нормальные женщины наступают на одни и те же грабли один, ну максимум два раза, ты же – бесконечно».

В наших отношениях есть всего один, зато огромный подводный камень. Приятель всю жизнь служит в системе МВД и в результате имеет погоны полковника. Как называется его должность, я запомнить не могу, но в большом здании, расположенном в центре Москвы, у него отдельный кабинет. Несколько раз нам приходилось общаться на официальной почве, потому что неприятности притягиваются ко мне как магнитом. Ничего хорошего из моих приключений, как правило, не получается, и полковник просто синее, столкнувшись со мной на узкой дорожке.

Вот и сейчас он явно еле-еле сдерживал гнев. Довольно обширная лысина покраснела, а щеки приобрели геморроидальный оттенок – явный признак душевного расстройства.

– На этот раз, Дашутка, ты влипла в пренеприятнейшую ситуацию, – сообщил приятель, сосредоточенно разглядывая чайную чашку. – Еле-еле упросил не арестовывать тебя под свою, так сказать, ответственность. Надеюсь, оценишь мои героические усилия.

Я так и села на маленький диванчик.

– Арестовать? Да за что? Я же ничего не совершила противозаконного!

– Зачем ты явилась вчера вечером на улицу Строителей в квартиру, принадлежавшую Соколовой Антонине Андреевне?

– Не знаю никакой Соколовой, приходила к своему начальнику, Игорю Маркову.

Полковник вскинул брови.

– На работу устроилась? Кем, если не секрет?

Пришлось рассказать правду. Александр Михайлович молча выслушал мой рассказ, потом сказал:

– Я-то хорошо знаю тебя и понимаю, что ради работы сыщика ты пойдешь на все, только у Игоря Маркова никогда не было никакого агентства.

– Что ты имеешь в виду? – изумилась я.

– Ничего особенного. Господин Марков занимался оптовой торговлей продуктами: макароны, растительное масло, сахар... имел несколько точек на оптовом рынке.

– Не может быть! Я собственноручно правила отчеты для клиентов.

– Значит, он занимался сыском незаконно, без лицензии. Фамилии клиентов можешь назвать?

Я растерянно покачала головой.

– Вот видишь! К тому же убитый...

– Убитый?!

– Чему ты так удивляешься? Игоря Маркова предварительно отравили. Вскрытие обнаружило увеличение размеров почки, корковый слой утолщен, имеются красные полосы и точки.

Меня начало тошнить. Какой ужас! Только что я разговаривала с человеком, и вот он уже разделан, словно свинина на рынке.

– Не скрою, – продолжал Дегтярев, удовлетворенно поглядывая на мое слегка перекосившееся лицо, – у сотрудников органов родилась официальная версия. Ты, моя радость, какое-то время состояла с покойным в интимных отношениях, поэтому он взял тебя на работу и платил абсолютно невероятную для подобного места зарплату. Скорее всего ему надоела любовница, и Марков просто решил откупиться от назойливой бабы. Но ты никак не хотела отпускать мужика, поэтому решила убить его. Отравить. Что и выполнила с милой непосредственностью, прямо после очередных любовных утех.

– Бред сумасшедшего. Зачем же я тогда подожгла квартиру?

– Хотела представить все как несчастный случай. Но произошла беда: вы легли, покурили, заснули... Сплошь и рядом такое случается.

– И вызвала пожарных?

– Конечно, сама-то погибать не хотела, вот и дождалась нужного момента, чтобы представить дело как отравление угарным газом...

– Бред, бред! – заорала я так, что мирно дремавший Хучик подскочил на полметра от пола. – Ну за каким чертом мне было тащить мужика на лестничную клетку? Абсолютно нелогично. Тогда уж следовало оставить его в полыхающей квартире!

– Действительно, тут маленькая неувязка, – мирно согласился Дегтярев, вертя в руках чашку, – только вот у следователя свое объяснение. Ему, видишь ли, кажется, что совершенное убийство слегка повлияло на твою психику и у тебя начался реактивный психоз. Увидела дело рук своих, спонтанно раскаялась и решила спасти любовника. Этаким психологический выверт.

Я обозлилась окончательно:

– Совершенно не подвержена никаким психозам! Если уж решу убить кого-нибудь, так сделаю все по высшему классу и без истерических припадков. Кстати, готова отправиться к милиционерскому гинекологу, пусть обследует и подтвердит, что я не спала с этим мужиком!

– Ну и что это докажет? – ухмыльнулся полковник. – Просто в последний раз не потрахались, связь-то была, или намекаешь, что после четырех супругов все еще девственница?

– Нет, – завопила я, чувствуя, что теряю самообладание, – никаких отношений я с Игорем не заводила, хотела только поработать в его конторе, понимаешь?

– Ой ли? – ухмыльнулся Александр Михайлович. – А вот свидетели утверждают другое.

– Кто?

– Во-первых, супруга Маркова сообщила, что некая дама неоднократно звонила ему домой и буквально изводила несчастную бабу требованиями развестись с Игорем. Потом обнаглела окончательно и заявила в гости. Она чуть не треснула тебя кастрюлькой по башке. Еле сдержалась, говорит.

– О боже! Я и впрямь заходила к ним, но только абсолютно случайно, вместе с Виталием Орловым, ведь рассказывала только что.

– Адрес и телефон Орлова, – потребовал полковник.

Я потрясенно молчала.

– Не знаю.

– Вот видишь! А еще соседка Соколовой, Алла Симонова вспоминает, что частенько видела худенькую элегантно одетую блондинку, проскальзывавшую быстрее тени в квартиру напротив. Дама старательно прятала лицо, но Аллочка все же разглядела голубые глаза и правильные черты лица. Кстати, это именно она приютила тебя вчера. Говорит, страшно похожа, просто одно лицо. Да еще та дама приезжала на бордовом «Вольво». Вот номер она, к сожалению, не помнит.

– В Москве десятки бордовых «Вольво», – огрызнулась я.

– Да, но у твоего на заднем стекле болтается утенок Дональд Дак, а бампер слегка погнут.

– Ну и что? Случайно задела ворота и никак не исправлю...

– В общем-то ничего, но полюбовница Маркова тоже привесила идиотское водоплавающее и исковеркала где-то бампер. Аллочка – девушка глазастая, все разглядела. Странное, даже мистическое совпадение, не находишь?

Я молчала, не в силах раскрыть рот. Вдруг в голову пришла мысль:

– А когда он умер?

– Женя предполагает, что около восьми вечера.

– Так я была дома. И потом это неправда. Игорь позвонил в девять, как раз начиналась программа «Время».

– Может, «Вести»?

– Нет-нет, именно на первом канале, такая специфическая музыка. И свидетели есть. Зайка еще ругалась, что не помогаю ей потолок красить, а уезжаю.

– Ольга, поди сюда! – громовым голосом крикнул Александр Михайлович.

– Ну что тебе? – недовольно отозвалась Зайка, появляясь на пороге.

Волосы невестка убрала под бейсболку, а на тело натянула старый джинсовый комбинезон. Вместе с Ольгой в комнату вплыл резкий запах краски. Собаки тут же расчихались.

– Помнишь, когда твоя удалая свекровь вчера уходила из дому?

Ольга нахмурилась.

– А она, можно сказать, и не приходила. Влетела в полдевятого, волосы торчком, глаза горят, а через полчаса ей позвонили, и все... Нет видения, испарилось практически без слов. Между прочим, у всех моих подруг бабушки тихонечко сидят дома, носочки внукам вяжут...

– И она выскочила в коридор, хлопнув дверью.

Александр Михайлович вздохнул.

– Совсем плохо.

– Почему?

– Любой следователь сразу заподозрит спектакль. Сначала убила, потом принеслась домой, чтобы обеспечить себе алиби.

– Но он мне звонил!

– Это ты говоришь!

– Зайка слышала.

– Только звонок, трубку она ведь не снимала?

– Нет.

– Грош цена тогда ее свидетельству, мало ли кто звонил, а ты соврала.

– Сразу после работы я поехала с Виталием обедать, в восемь еще ела.

– Сообщи название ресторана, спросим официально мэтра...

– «Макдоналдс» на Тверской.

Полковник уставился на меня во все глаза, потом фыркнул:

– Это было бы смешно, когда бы не было так грустно...

Несколько минут мы молча смотрели друг на друга. Потом Дегтярев произнес:

– Ладненько. Поскольку мы с тобой старые приятели, формально я не имею права вести следствие. Дело принял Крахмальников. Но, как ты сама понимаешь, я буду помогать ему изо всех сил. Времени у нас месяц. За этот срок я должен разобраться во всем. Странная, однако, штука приключилась с тобой.

– Веришь мне?

– Слишком хорошо тебя знаю, поэтому верю. Но больше никто не поверит. Единственный способ избавить тебя от СИЗО и суда – найти настоящего преступника. Но, честно говоря, я пока совершенно не понимаю, кто это сделал, а главное – зачем? Считаю, что ты дала подписку о невыезде. Сиди дома, не носись по городу. Кстати, если решишь смыться в Париж от греха подальше, у меня будут очень серьезные неприятности. Поняла?

Я кивнула.

– Только детям не рассказывай.

– Пока не буду, – пообещал Дегтярев и ушел.

Не успела я закрыть за ним дверь и перевести дух, как из гостиной донесся грохот, звон и Ольгин крик. Я ринулась на шум.

Посередине комнаты сидела Зайка, сжимая рукой ногу.

– Что случилось? – испугалась я, разглядывая опрокинутую банку с краской.

– Упала, – процедила сквозь зубы Ольга. – Ой как больно, кажется, ногу сломала!

Я кинулась к телефону вызывать «Скорую помощь». Машина почему-то пришла сразу. Защитного цвета «рафик» замер у ворот. Из пахнущего бензином салона выбрался молодой щупленький доктор с железным ящиком в руках.

– Где больной? – осведомился он суровым голосом, всем своим видом показывая, что шутить не намерен.

Я повела эскулапа в дом. Ольга продолжала сидеть на застеленном картоном полу. Доктор кинул взгляд на ногу и вынес вердикт:

– На перелом не слишком похоже, но рентген сделать надо, возможна микротрещина. Только травмопункт обслуживает исключительно с московской пропиской.

– Ложкино относится к столице, – успокоила я паренька, – мы живем тут постоянно, и полис на руках.

– Совершенно не сомневаюсь, что вы москвичка, – отрезал доктор, – а вот малярша откуда: Молдавия, Украина?

– Это моя невестка, – быстренько прояснила я ситуацию.

У врача на лице промелькнуло что-то напоминающее жалость, но он удержался и ничего не сказал о жадных, богатых свекровях, заставляющих безропотных невесток делать ремонт собственными руками.

Кое-как мы влезли в «рафик». Внутри парадоксальным образом было одновременно холодно и душно. Зайка затряслась. Я подумала, что она замерзла, и накинула ей поверх шубки застиранное байковое одеяльце, валявшееся на носилках. Но Ольга скинула его и, корчась от смеха, ткнула пальцем в большой лист, прикрепленный на дверце микроавтобуса. «Список оборудования «Скорой помощи»: одна подушка, одно одеяло, носилки, два запасных колеса, огнетушитель».

– Зачем это тут? – удивилась я, разглядывая грязные внутренности автобусика без каких-либо признаков медицинской аппаратуры.

– Наверное, чтобы больные не уперли, – веселилась Зайка. – Интересно, а как они оказывают помощь при инфаркте или инсульте?

– Небось кладут на носилки, а сверху наваливают подушку, чтобы несчастный поскорее отключился, – ляпнула я.

Машина тем временем, резво проскакав по всем ухабам, затормозила у какого-то дома.

– Дальше не проедем, – сообщил доктор, – вылезайте, пешкодралом придется.

– Почему? – в один голос изумились мы.

– Там мостик через овраг сломался, еще летом.

Мы медленно проковыляли по замерзшему тротуару, потом свернули налево и очутились перед забором.

– Вот сюда, – велел доктор и пролез между прутьями. – С вами легко, вы тощенькие. Кто пожирнее – застревают.

– Интересно, – продолжала веселиться Зайка, – а если человек на носилках, то как?

– Перебрасывают через забор или пристегивают ремнями и проталкивают боком, – снова не удержалась я. – Это такой своеобразный естественный отбор. Выдержал дорогу от дома до больницы, выжил – станут лечить, не дотянул – ну что же, слабому в седле не место.

– Ну и глупости несете, – оскорбился парень, – а по виду интеллигентная дама. Лежачего вокруг обносим, там ворота, метров пятьсот пройти. Просто я решил путь сократить. Ну народ! Всем недовольны. Приехали в момент, помощь оказали, в травмопункт везем... Ничего у вас страшного нет. Подумаешь, ногу повредила. Раз идет – следовательно, полный порядок.

– Так больно же, – попробовала пожаловаться Ольга.

– Скажите, какие мы нежные! – фыркнул доктор. – Вон вчера я женщину вез, с четвертого этажа упала. Так она ни звука не проронила. Знал бы, что вы такие капризные, ни в жисть бы не поехал. Может, пока с вами возжусь, там кто-нибудь от мерцательной аритмии погибается!

«И как бы ты, милый, помог несчастному, имея в руках только подушку с одеялом?» – подумала я, но вслух не произнесла ни слова. Ольга тоже пристыженно молчала. Продолжая недовольно ворчать, Гиппократ втолкнул нас в тесную приемную, а сам скрылся за дверью с табличкой «Посторонним вход воспрещен». Оттуда незамедлительно послышался его раздраженный голос. Удивительное занудство в столь юном возрасте! Представляю, во что он превратится в старости.

– Наверное, надо дать ему сто рублей, – тихо проронила Ольга.

– Никогда, – обозлилась я. – Во-первых, ничего хорошего он не сделал, а во-вторых, хоть что-то в этой стране должны делать бесплатно?

Отвернувшись, я принялась разглядывать обстановку. Выглядело все удручающе. Несколько разномастных стульев с продранными сиденьями, потертый линолеум, вешалка прибитая к стене, выкрашенной унылой зеленой краской. На подоконнике горшки с засохшими останками герани и алоэ. Это сколько же времени надо мучить несчастный столетник, чтобы довести его до смерти! На другой стенке висит стенд с милым заголовком: «Бешенство при-

водит к смерти». Заинтересовавшись, я уткнулась глазами в листочки, написанные крупным, похоже, детским почерком. «Следует помнить, что в случае заражения бешенством вы неминуемо умрете. Бацилла страшной болезни может попасть в организм в результате укуса, обгрыза или ослонения». Не сдержавшись, я захохотала в голос.

– Чего там? – заинтересовалась Зайка.

– Да вот, увидела доселе неизвестные слова – «обгрыз» и «ослонение».

– Видишь, как здорово, – вздохнула Зайка, – заодно и словарный запасполнишь.

Тут дверь распахнулась, и худой как жердь мужик приказал Ольге:

– Идите мыть ногу.

– Она чистая, – заикнулась Ольга.

– Мне лучше знать, – велел хирург. – Мойте не меньше десяти минут лежащим там хозяйственным мылом.

– Я его на дух не переношу, – призналась Зайка.

– А зря, – отрезал врач, – это лучший антисептик.

Да, можно подумать, что время тут не властно над людьми. Живут, как в начале века. Пока бедная Ольга, кое-как засунув больную конечность в раковину, мылила лодыжку, я вышла в соседнее помещение и, наплевав на сидящую там тетку в окровавленной юбке, сунула доктору в карман пару бумажек.

– Нам бы рентген...

– Зачем? – изумился травматолог, пряча деньги в кошелек. – Сейчас зашьем – и все!

– Ничего не надо шить, – испугалась я, – только подозрение на перелом.

– Ну и ну, – покачал головой врач. – Думал, у вас укус собачий! И зачем она тогда ногу моет?

– Не знаю, вы велели, – ответила я.

– Укус у меня, – тихо пробормотала женщина в разодранной юбке.

– Действительно, – напрягся врач, – перепутал! Ну ничего, с кем не бывает, дело житейское. Эй, дама, заканчивай ногу мыть и прыгай сюда, рентген делать будем.

В рентгеновский кабинет мы попали только через час. Худенькая женщина повернулась лицом к двери, и Зайка издала непонятный звук:

– Ой-ой-ой!

– Так больно? – испугалась милая рентгенолог. – Вечно они заставляют людей на одной ноге прыгать.

– Нет, – пробормотала Ольга, – просто вы с Дашей похожи, как родные сестры.

Мы с докторшей уставились друг на друга. Действительно, словно в зеркало гляжусь. Тоже голубые, близко посаженные глаза, бледный цвет лица, такая же легкая светло-русая челка и прямые коротко стриженные волосы. Форма рта, носа, подбородка... Даже фигура один к одному – худая, подтянутая. Интересно, у нее тоже проблема с зубами?

Доктор встала и быстрым движением раздернула тяжелые шторы – наваждение сразу исчезло. Стало понятно, что мы, безусловно, принадлежим к одному славянскому типу, однако глаза у рентгенолога не голубые, а зеленые, волосы крашенные. Возле корней пробивалась предательская чернота. Рот более широкий, скулы высокие, нос слегка вздернут. Пугающим сходством мы обладали только в полумраке кабинета.

– Да уж, – первой пришла в себя доктор, – я прямо испугалась вначале. Вас как зовут?

– Даша.

– Хорошо, хоть имена разные, я Валя, но близкие зовут меня Тина.

Валя довольно быстро осмотрела ногу и поморщилась.

– Там сегодня такая смена работает! Чукчи. Ничего у вас нет, просто сильный ушиб. Езжайте спокойно домой, ложитесь в кровать, к утру пройдет. Ну, синяк будет.

Мы облегченно вздохнули. Я протянула Тине деньги.

– Что вы, не надо, – пробормотала рентгенолог, однако бумажку взяла.

Мы пошли к выходу. Но тут внезапная мысль влетела мне в голову, и я чуть не упала, споткнувшись о порог. Двойник! Игоря убила женщина, похожая на меня, она же была его любовницей. Дело за малым. Осталось найти тетку, у которой в придачу еще и бордовый «Вольво».

Глава 4

Несмотря на все тревожнения, ночь я проспала великолепно. Наверное, причиной тому была хорошая порция ликера «Бейлис», которым мы с Зайкой угостились после ужина. В ответ на рассказ о наших злоключениях Аркашка только пожал плечами:

– Ну какого черта потащились в районную травматологию, да еще на «Скорой помощи»! Мать что, не могла сама отвезти Ольгу в Склиф?

Дельная мысль! Если бы не полковник с обескураживающим сообщением об убийстве, я непременно бы сообразила. Но, к сожалению, Зайка упала в страшно неподходящий момент, вот разум мне и отказал.

– Говорил ведь, – продолжал Кеша, – не следует самой под потолком лазить! Нет, надо всегда по-своему поступить, упорствовать, вот и награда за вредный характер.

Внезапно Зайка уронила голову на руки и зарыдала.

Ее реакция удивила меня чрезвычайно: Ольга крайне редко заливалась слезами. Кеша моментально засуетился вокруг жены:

– Ну ладно, ладно.

– Ты меня не любишь, – причитала Зайка, – просто живешь по привычке. Ужасно!

– Малыш, прекрати, – забубнил сын, и я вышла из комнаты, оставив их разбираться без свидетелей.

В голове у меня был полный сумбур. Ситуация выглядела так: некая женщина, страшно похожая на меня, к тому же обладающая бордовым «Вольво», состояла в любовницах у Игоря Маркова. Но как объяснить то, что случилось у него на квартире? Зачем было втягивать меня в эту историю? Может, я вошла случайно, как раз в тот момент, когда убийца, разделавшись с жертвой, собирался уйти? Наверное, киллер не знал, что хозяин вызвал сотрудницу, и жутко удивился, когда позвонили в дверь. Хотя он же спросил у меня что-то, вот только никак не припомню, что именно. Ладно. Похоже, на самом деле события разворачивались так. Игорь Марков завел любовницу. Дело житейское, с кем не бывает. Ну а потом повздорил с теткой, и она его убила. Я же влипла в эту ситуацию по чистой случайности. Но могло быть еще и такое: Маркова уничтожил кто-то из клиентов. За что? Вот когда узнаю ответ на этот вопрос, тогда пойму, кто! Во всяком случае, следует искать сразу в нескольких направлениях. Ладно, сначала займусь секретаршей Игоря, девушка довольно мило общалась со мной, вот только никогда не заговаривала на профессиональные темы. Будем надеяться, что смерть хозяина развяжет ей язык.

Увидев меня, Леночка всплеснула руками:

– Ничего не знаешь?

– А что? – прикинулась я идиоткой. – Я опоздала, конечно, но Игорь разрешил мне в понедельник прийти попозже.

– Его убили в пятницу вечером, – пробормотала Лена. – Меня в субботу из дома вызвали, тут обыск делали, бумаги какие-то искали.

– Ужас! – пролепетала я, стараясь изобразить искреннее удивление. – Под машину попал?

– На пожаре в дыму задохнулся, – пояснила девушка, – ночью на квартире...

– А как жена, дети?

Леночка аккуратно вытащила из стола пачку «Парламента» и спросила:

– Ты давно его знаешь?

– Дней десять. Виталий Орлов свел.

– Ясно. Так вот Игорь с женой практически не жил. Цапался с ней, как кошка с собакой, дело шло к разводу. Детей у них не было. Вечно с какими-то женщинами путался, квартиры снимал. И погиб не дома, небось баба закурила в кровати.

– Почему именно баба?

– Сам-то он никогда к сигаретам не прикасался. Здоровье берег. Знаешь, какой был правильный: мясо не употреблял, водку не пил, ел по часам...

– Как же такой мог по бабам бегать?

– Да, был такой изъян. Никого не пропускал, брал буквально все, что шевелится. Честно говоря, я подумала, что он и с тобой тоже перепихивался. С чего бы, думала, взял ее на работу?

– Ошибки править!

– Ха! Я их всегда сама выправляла. Слава богу, не первый год сижу, а сразу, как он этим всем заниматься начал!

– Чем? Детективной работой?

Леночка заколебалась. Я смотрела в детское, слегка глуповатое личико. На нем не отражалось ни одной мысли. Кудрявые, осветленные почти добела волосы делали ее похожей на куклу. Весь вид девушки говорил о недалеком уме и полном отсутствии какого-либо образования. Что ж, попробуем потрясти ее. Я плотнее уселась на стул и попросила:

– Уж поделись со мной, наверное, милиция тоже допрашивать будет, не хочется глупость ляпнуть.

Леночка пожала плечами:

– Да рассказать-то нечего.

– А ты как сюда попала? К тебе Игорь не приставал?

Выяснилось, что нет. Леночка – дочка одной из пассий Маркова. У ее мамы несколько лет тому назад был с ним короткий, но бурный роман. Поэтому, когда Ленуся, окончив школу, не сумела поступить в институт, мамочка связалась с бывшим любовником и попросила помочь.

Уж если говорить совсем честно, Леночка училась отвратительно и окончила десятилетку на одних тройки, да и те ей поставили из жалости. Только по русскому языку у девочки выходила полная и абсолютная пятерка. Не зная ни одного правила, Леночка писала без ошибок и никогда не путалась, расставляя знаки препинания.

Вот так она и оказалась в приемной Игоря. Зарплата хорошая, Игорь, помнивший ее двенадцатилетней девочкой, никаких попыток к сближению не делал. Первый год девушка просто выправляла бумаги, подавала кофе и записывала посетителей. Но потом Марков неожиданно понял, какой алмаз попал к нему в руки. Леночка оказалась абсолютно не болтлива. Конечно, она искренне считала, что Солнце вращается вокруг Земли, и не могла совершать даже самые простые арифметические действия, но язык за зубами держала крепко. Обрадовавшись, Игорь свалил на нее всю документацию, правда, зарплату увеличил вдвое.

– Много тут народу трудилось?

Секретарша засмеялась:

– Да никого. Ты, я и хозяин.

– Как же он успевал дела раскручивать?

– Брался только за одно... – начала Леночка и осеклась.

Девушка явно не хотела говорить лишнего.

– Прикинь на минутку, – тихонько сказала я, – если здесь никого, кроме нас двоих, не было, то и подозрения падут на нас.

– Какие подозрения? – испугалась девчонка.

– Думаешь, он так просто взял и умер? Нет, скорее всего это убийство, а менты не хотят говорить правду. Киллера, как всегда, не найдут, но обвиняемый-то должен быть. Усекаешь?

– Нет, – ошолбенела Леночка, – не усекаю.

– Господи, ясно как день. Сделают нас с тобой крайними, объявят виноватыми, в момент дело состряпают и в тюрьму сунут. Чао бамбино, сиди на нарах, как король на именинах. Ментам – медали, нам – срок. Ты газеты почитай, там о таком все время пишут!

Леночка уставилась на меня огромными глазищами. У девушки был взгляд спаниеля – мягкий и бесконечно тупой.

– Не может быть, – прошептала она.

– Запросто, – успокоила я ее, – вот ты, например, что делала в пятницу?

– Ничего, – обескураженно пробормотала бедняга, – продукты купила, дома сидела, а в десять спать легла. Погода плохая, никуда идти не хотелось.

– Мама тебя видела?

– Нет, живу одна, квартиру снимаю...

– Вот видишь, – обрадовалась я. – Как докажешь, что на самом деле лежала в кровати? Вдруг успела съездить к начальнику на квартиру и устроить аутодафе? Могут дать пожизненное заключение...

Крупные слезы хлынули потоком из детских глаз Леночки. Испугавшись, что в результате стресса она растеряет и без того скромные мыслительные способности, я поспешила успокоить девочку:

– Не реви, слезами горю не поможешь...

– Что делать-то? – шмыгнула носом привыкшая слушаться старших Леночка.

– Точно, думаю, убили его. Значит, когда милиция нас арестовывать придет, мы должны сказать: погодите, погодите, есть тут господин N, очень подозрительный тип. Его и допросите...

– Кто такой господин N? – удивилась Лена.

Я вздохнула. Трудно иметь дело с беспросветными идиотами.

– Скорее всего Игоря пришиб кто-то из клиентов. Вспоминай быстро, чем он занимался последнее время?

Леночка нахмурила гладкий лоб и сказала:

– Он вообще-то лицензии не имел, торговал вроде бы продуктами, а на самом деле работал стрейк-мастером.

– Кем? – изумилась я. – Каким таким стрейк-мастером? При чем тут тогда продукты и детективное агентство?

Секретарша воткнула в сеть кофеварку и принялась выбалтывать все, что знала.

Марков на самом деле не имел никакого образования, только строительное ПТУ. И, когда грянула перестройка, мужик первое время занимался ремонтом квартир. Грязное, утомительное, малоприбыльное дело. Надоело это ему быстро, и Игорь решил завести собственный бизнес. Недолго думая, принялся торговать продуктами. Зарегистрировал фирму и начал скупать рис по оптовой цене, а сбывать по розничной. Этим нехитрым бизнесом занимается почти вся бывшая Страна Советов, и барыши Маркова оказались небольшими. У него есть вагончик на оптовой ярмарке, где торгует нанятый продавец. Но Игорь давно потерял интерес к крупе, потому что наконец нашел себя, став стрейк-мастером.

– Да объясни же толком, что это за профессия такая?

– Игорь помогал сотрудникам фирм и учреждений избавляться от начальства.

– Зачем? – пришла я в недоумение.

– Ну, представьте такую ситуацию. Работаете в банке, зарплата прекрасная, коллектив чудесный, коллеги милые, но начальник жуткий, отвратительный тип. Без конца орет, ругается, заставляет оставаться до ночи... Менять место? Страшно, сейчас безработица жуткая. Проще избавиться от негодя. Вот сотрудники и сбрасываются, чтобы нанять для этой цели Игоря.

– Как же он такое устраивает?

Лена улыбнулась.

– По-разному. Сначала собирал сведения о человеке, можно сказать, разузнавал всю подноготную. У него поговорочка была: «В каждом святом есть три кило говна, это вытекает из физиологии». Потом так поворачивал дело, что людям просто было некуда деваться. Не так давно обратился к нему коллектив «Монобанка». Два вице-директора и заведующий отделом

кадров – жуткие бабники. Ни одной сотрудницы не пропускали. Могли прямо на рабочем столе завалить. Вот женщины и не выдержали, наняли Маркова.

– И что?

– В два счета справился.

– Как же? – абсолютно искренне поинтересовалась я. – Импотентами их сделал?

– Нет, конечно, – засмеялась Леночка. – Игорь обладал потрясающей фантазией. Нанял дорогую девочку по вызову и отправил ее в банк наниматься на работу. Девица с виду – конфетка. Ну, начальники слюни и распустили. Тут же секретарем оформили и давай всю пользоваться. Та, конечно, никому не отказывала и целый месяц на диванах кувыркалась. Трое начальников оттянулись всласть.

Расплата грянула через два месяца. Однажды секретарша, заливаясь слезами, положила на стол одному из вице-директоров положительный анализ на СПИД.

– Я больна, – пролепетала девушка. – Как вышло – не понимаю...

Сластолюбец чуть не скончался от ужаса и побежал к «подельникам». Ни один из них, само собой, не пользовался презервативом. Секретаршу тут же уволили. Мужики в страхе затаились.

Через две недели в кабинет все того же несчастного вице-директора явилась дама лет шестидесяти с бумагой. Документ, подписанный председателем правления «Монобанка», предписывал произвести анализ крови всех служащих без исключения.

– Многие скрывают, что больны СПИДом, – пояснила врач. – Наше дело – выявить носителей и изолировать этих гомосексуалистов и развратников от общества. А поскольку зря пугать людей не надо, сделаем вид, что проводим в банке день донора. Позаботьтесь, чтобы все сотрудники поголовно и добровольно явились к врачу.

– И когда начнете? – пробормотал, заикаясь, любитель утех.

– В среду, то есть завтра, – утешила дама.

На следующий день оба вице-директора и начальник отдела кадров подали заявления об уходе с работы. Дело завершилось к обоюдному удовольствию. Женщины вздохнули спокойно, Игорь получил крупную сумму денег.

– Да уж, – только и смогла я пробормотать, – ловкий малый...

– Это что, – махнула рукой Леночка, – вот с парикмахершами и впрямь красиво вышло...

В салоне «Орхидея» работали 24 девушки – кто-то стриг и укладывал волосы, кто-то делал маникюр и педикюр, имелся и косметический кабинет. Клиентура подобралась замечательная – сплошь люди из шоу-бизнеса, капризные, вредные, но денежные. Чаевые давали огромные, красуясь друг перед другом. Сбрасывали девочкам с барского плеча практически новые платья. Кое-кого из парикмахерш приглашали на дом... Словом, чудесное, сладкое место. Было только одно «но». Управляла салоном пятидесятилетняя Нонна. Каждое утро протекало одинаково. Брызгая слюной и размахивая руками с угрожающе длинными гелиевыми ногтями, хозяйка начинала бесноваться.

– Всех уволю, на улицу выгоню, мерзавки ленивые, падлы безрукие! – вопила Нонна, постепенно теряя человеческий облик. – Опять кресла краской вымазали! Вычту из зарплаты...

Разбор полетов проходил дважды: перед работой и вечером, когда последний клиент покидал зал. Впрочем, угрозы были пустыми. Ни у кого ничего никогда не вычитали. Просто Нонне требовалось излить желчь – ну не дома же это делать, не на голову невинного мужа? А супруга своего хозяйка «Орхидеи» любила, хоть и прожила с ним уже десять лет. Милый, интеллигентный мужчина, историк по профессии, иногда появлялся в парикмахерской. В его присутствии Нонна делалась тихой, начинала называть мастеров на «вы».

Игорю хватило двух дней, чтобы решить проблему. Как-то утром, после того как Нонна, всласть наоравшись, повернулась к входной двери, она увидела там скромно стоявшего на

пороге салона супруга. Хозяйка залилась багровым румянцем, муж молча вышел. Что у них произошло дома, не знает никто. Только на следующий день тихая, будто побитая собака, Нонна собрала весь коллектив и сказала буквально следующее:

– Прошу прощения за хамское поведение. Просто давно болит желчный пузырь, лягу на операцию и избавлюсь от проблемы. Вы ведь извините меня?

– Конечно, Нонночка, – закричали обрадованные девушки, – да мы за вас в огонь и в воду пойдем!

Хозяйка разразилась бурными рыданиями, парикмахерши немедленно схватились за платки.

– Вот так Игорь за два дня работы получил десять тысяч долларов, – сплетничала Леночка.

Мысленно я присвистнула. Если мастерицы отвалили такую сумму, сколько же дали сотрудники банка?

– Милиции все рассказала? – спросила я.

– Нет, – покачала головой Лена, – бизнес-то незаконный, вот и сообщила, что Игорь только продуктами занимался. Они, правда, прознали откуда-то про отчеты, да я от всего открестилась. Ничего не видела, ничего не слышала... Кстати, и про тебя спрашивали...

– Ну?..

Леночка потупила взор.

– Уж извини, сказала, что думала: Марков тебя на работу взял, потому что ты была его любовницей.

Да, удружила, нечего сказать. Теперь оперативники только укрепятся в своих подозрениях!

Глава 5

Домой я вернулась только к девяти вечера. В кабинете Игоря не оказалось никаких бумаг. Вернее, они были, но все относились только к продуктам – всевозможные сертификаты качества, накладные... И никаких следов розыскной деятельности... Хотя, по словам Леночки, Игорь сейчас занимался чрезвычайно трудным делом. Некая Надежда Фомина наняла его, чтобы избавиться от Константина Яковлевича Точилина. Милейшая Наденька служила в фирме по продаже детского питания заведующей отделом рекламы, а Точилин был директором. Чем он замучил Фомину, Леночка не знала. Игорь никогда не посвящал ее в незаконченное дело. Зато, завершив работу, радостно делился информацией. Похоже, у Маркова и впрямь существовали проблемы с женой, раз он выбрал в наперсники девчонку.

Проблемой Надежды Марков начал заниматься в октябре. Очевидно, это была не простая задача, раз он не сумел решить ее до декабря.

Сентябрь Игорь провел в Таиланде, а лето посвятил актерам театра «Рампа». У тех возникли трения с женой главного режиссера. Но все окончилось благополучно, и, получив от благодарных служителей Мельпомены хороший кусок, Марков уехал нежиться на солнышке.

«Ладно, – думала я на бегу из гаража в дом, – завтра поеду к Фоминой, вдруг следы убийцы следует искать там».

Я влетела в холл и принялась стряхивать с себя липкий снег. Всегда в Москве так – май ледяной, зато декабрь теплый. Природа совсем сошла с ума. А сейчас к тому же, кажется, начинается землетрясение.

Пол задрожал под ногами. Из-за стены донесся жуткий грохот, треск и звяканье. Плышались разноголосый лай. Потом все внезапно стихло, и незнакомый мужской голос произнес:

– Ох черт, никак не идет!

Я распахнула дверь в гостиную и увидела странную картину. Посередине комнаты стоит нечто, больше всего напоминающее ванну, только очень низенькую и страшно грязную. Вся емкость заполнена какой-то твердой серовато-беловатой массой. На краю этой посуды сидит незнакомый мужчина лет этак пятидесяти, ноги его погружены в это месиво почти до колен. Рядом с отбойным молотком в руках бегают щупленький парнишка. Тут же Зайка, Кеша, Маня и Ирка. Словом, семейство в сборе.

– Мусечка, – завопила Маруся, – смотри, Семен Андреевич замуровался!

Сидевший в ванне мужик затравленно глянул на меня и пробормотал:

– Дык не нарочно, случай вышел.

– Давай, давай, – велел Кеша пареньку с отбойным молотком.

Рабочий послушно подошел к ванне, раздался жуткий грохот, пол затрясся.

– Готово! – закричал паренек.

– Ноги все равно в бетоне, – робко проговорил его старший напарник.

– А как я его тебе сниму? – обозлился парень. – Вдруг задену. Нет уж, садиться в тюрьму я не намерен. Бери молоток, долото и вырубайся потихоньку, коли такой идиот.

– Хоть на пол посадите, – взмолился мужчина.

Аркадий и парень ухватили говорившего под локти и, отдуваясь, вытащили из ванны. Я смотрела на них во все глаза. На ногах несчастного были огромные застывшие куски бетона, словно чудовищные испанские сапоги.

– Что случилось? – поинтересовалась я, глядя, как мужчина молотком отбивает бетон.

– Это твой сынок нанял рабочих, – ехидно заметила Зайка, – не любит, когда своими руками ремонтируют, предпочитает иметь дело с профессионалами. Вот, любуйся, Семен Андреевич и Жора, мастера экстра-класса.

Кешка вздохнул. История с наймом и впрямь выглядела глупо. Отругав Зайку за стихийно начатый ремонт, сын схватил газету «Из рук в руки» и позвонил по первому попавшемуся на глаза объявлению. Мастера, обрадованные предстоящим заработком, примчались через час.

– Вот, – радостно сказал Кеша, – быстро сделают.

– И качественно, – пообещал Жора. – Вся жизнь добрым словом поминать станете.

Аркашка увел сопротивлявшуюся Зайку, и бригада приступила к работе. Что там произошло точно, сын не знал, так как работал в кабинете. Но около семи вечера он спустился вниз, чтобы предложить работягам поужинать. Жоры не было, а Семен Андреевич мирно спал, сидя на краю этого подобия корыта и засунув ноги в застывающий бетон. Пока Кеша приходил в себя от увиденной картины, вошел бегавший за сигаретами Жора и тоже замер с раскрытым ртом.

Выяснилось, что уставший Семен Андреевич присел на край ванны и, сам не зная как, заснул. Почему ноги очутились внутри ванны, а не снаружи, он не понимает. Ясно одно – следует как можно быстрее высвободить его из плена. Жора сбегал за отбойным молотком, и операция началась.

– Зачем вам бетон? – робко спросила я.

– Плинтуса прикрепить, – сообщили мужики. – Крепко держаться будут, насмерть берет!

Я промолчала. Ни за что не стану влезать в ремонтные проблемы. Только начни давать советы и моментально окажешься начальником стройки. Нет уж, дети сами ввязались в это дело, им и карты в руки. Хотят плинтусы на бетонной основе – бога ради, кто бы спорил, только не я.

Тут позвонили в дверь. Маня рванулась в прихожую и завопила:

– Денька приехал!

В грязную гостиную влетел лучший Машкин друг, семнадцатилетний Денис, за ним неслись два скотчтерьера и стаффордширская терьерка Рейчел.

– Чего это у вас тут? – оторопел Денька.

– И правда, – раздался за спиной голос его матери Оксаны.

– Ремонт, – в один голос сказали все.

– А Семен Андреевич замуровался, – подсказывала от радости Маня.

– Что у вас стряслось? – спросила я.

Оксана рассмеялась.

– Соседи из верхней квартиры забыли закрыть кран в ванной, залили нам кухню, коридор и Денькину комнату. Обои поотлетали к чертям, потолок как будто проказой заболел. Мрак!

– Пусть теперь ремонт делают, – резонно заметила Маня.

– Да они и не отказывались, – ответила Оксана, – наоборот, людей привели и в два дня закончить обещали. Только Денька расчихался.

В подтверждение этих слов Дениска оглушительно закашлял.

– Вот и подумали у вас перекантоваться, – продолжала подруга, – только гляжу на гостиную...

– Зайка ремонт затеяла! – гордо сообщила Маруся и вновь добавила «новость дня на этот час»: – А Семен Андреевич замуровался.

– Ладно, – вступил Кеша, – пойду велю Ирке застелить для вас кровати в комнатах для гостей.

Не успел он выйти, как вновь зазвенел звонок. Удивленные, мы все вместе побежали в холл. В дверях стояла очень худенькая, просто прозрачная девушка. Несмотря на декабрь, вошедшая была одета в тонюсенькую курточку и легкие джинсики, а на ногах у нее красовались ботиночки. Темно-каштановые, почти черные волосы обрамляли продолговатое бледное лицо.

Чистая кожа, полное отсутствие каких-либо морщинок без слов говорили о возрасте – скорее всего около двадцати, может, чуть за двадцать.

Увидев свору из восьми лающих собак, девушка испуганно попятилась.

– Они не кусаются, – сказала Зайка.

– Вам кого? – спросила я.

– Аркадий тут живет?

– Да, – хором ответили мы.

– Ой, как хорошо! – вздохнула гостья. – Ну наконец-то! – Потом она повернулась к Оксане. – Вы, наверное, его мама?

– Нет, – ответила обескураженная подруга и ткнула в меня пальцем. – Знакомьтесь, Даша. Девчушка зарделась как маков цвет и пролепетала:

– Очень приятно. Нюся.

Потом оглядела всех присутствующих и добавила:

– Только он не говорил, что у него такая большая семья!

– Вы кто? – спросила Зайка.

Нюся вновь засмушалась и забормотала:

– Конечно, так не принято, но как уж получилось. Извините бога ради.

– Так кто же вы? – упорствовала Зайка.

– Я его жена, – наконец сообщила девушка.

– Жена?! – воскликнули мы все разом.

Бедная Нюся попятилась, потом быстро сунула руку в карман куртки и протянула мне зелененькую книжечку.

«Гражданин Воронцов Аркадий Константинович и гражданка Попова Анна Николаевна вступили в брак, о чем 17 сентября сделана запись в книге записи актов гражданского состояния г. Верми за номером 846». Печать и подпись.

Я оторопело повертела брачное свидетельство в руках. Кажется, документ подлинный. Во всяком случае, выглядит таким. Ольга выхватила у меня книжечку и впиалась в нее глазами. Я лихорадочно соображала, как поступить. Тут в самый подходящий момент появился многоженец и, ничего не подозревая, сказал:

– Комната готова.

Потом узрел Нюсю и пробормотал:

– Здравствуйте.

– Добрый вечер, – прошелестела гостья.

– Узнаешь ее? – злобно прошипела Зайка.

– Кого? – изумился Кеша. – Вот эту девушку? Кто она?

– Твоя жена, негодяй! – заорала Ольга и, со всего размаху влепив мужу пощечину, вылетела во двор на снег в одних домашних тапочках.

– Заинька, погоди! – взвыли Маня с Дениской и кинулись за ней.

Кеша удивленно покрутил пальцем у виска.

– Говорил ведь: не затевай ремонт, не делай глупостей! Пожалуйста, результат – капитально съехавшая крыша.

Я молча протянула ему свидетельство. Аркадий открыл книжечку и хмыкнул:

– Бред. У меня в свое время утащили сумку, а там лежал паспорт. Пусть лучше дама скажет: это я с ней расписываться ходил, ну?

– Нет, – затрясла головой Нюся, – мой пониже ростом будет, потолще, волосы прямые, да и вообще лицо другое... Нет, не он... А где Аркадий, позовите его!

Тут распахнулась дверь, и Зайка вплыла в холл, словно вдовствующая королева.

– Малыш, – кинулся к ней Кешка.

– Не надо, – царственным жестом остановила его Ольга, – не оправдывайтесь, господин Воронцов Аркадий Константинович. Я, безусловно, тут же покину ваш дом, только детей возьму...

– Зая! – простонали Маня и Денька.

– Это он?! – вскрикнула Нюся, бледнея на глазах. – Он, он?

– Да, – подтвердила Ольга, – он. Между прочим, на мне успел жениться раньше. Разрешите представиться – мадам Воронцова-старшая.

Не говоря ни слова, Нюся рухнула на пол.

– Надо вызвать «Скорую помощь»! – завопила Маня.

– Ой, прекрати! – вступила в разговор Ксюша и схватила девушку за вялую руку. – Принесите нашатырный спирт.

Дети с топотом понеслись по лестнице, собаки с лаем за ними. Хорошо, что у нас нет соседей.

Через час установился относительный порядок. Слегка порозовевшая Нюся с благодарностью взглянула на принесенный – почему-то на сей раз горячий – чай. Очевидно, Ирка по недоразумению подогрела чайник. Обычно она подает нам тепловатую водичку. Аркадий с виноватым видом сидел возле Ольги. На всякий случай Зайка крепко держала его руку. Оксанка пристроилась у окна и закурила. Мои дети отрицательно относятся к «дымоглотству», но своей обожаемой Ксюше, конечно же, ничего не сказали. Вместе со всеми с радостным видом уселись Маня и Дениска. Вся собачья стая разлеглась на ковре, бросая косые взгляды на печенье и вожаденно вздыхая. Я попробовала изобразить строгую родительницу:

– Маша, скоро полночь! Завтра рано вставать!

Но Машка сделала вид, что не слышит, и спросила у гости:

– А где ты познакомилась с мужем?

Аркадий нервно вздрогнул. Нюся тихим голосом принялась рассказывать не слишком оригинальную историю.

Всю свою двадцатилетнюю жизнь она прожила в Верми. Ездить дальше было незачем, да и не на что. Родителей Нюся не помнила, об их судьбе воспитывавшая ее бабушка говорила весьма расплывчато. Да и причина смерти каждый раз называлась новая: то они погибли в авиакатастрофе, то разбивались на машине. Но Нюся особо и не интересовалась судьбой мужчины и женщины, давших ей жизнь. У всех соседей и приятелей был некомплект – у кого отсутствовал папаша, у кого мамаша. Нюсе еще повезло. Ее воспитывала бабуля, дама редкого образования и безукоризненного поведения – учительница музыки. В доме, где все жильцы днем работали на чугунолитейном комбинате, а вечером пили горькую, Екатерина Ивановна выделялась интеллигентностью и кротостью нрава. Преподавала она в музыкальной школе, имела довольно широкий круг частных учеников. Даже когда школа закрылась, а комбинат перестал платить рабочим зарплату, Екатерина Ивановна не растеряла учеников. Просто они стали другими. Скромно одетых девочек и мальчиков с нотными папками в руках сменили нарядные дети, которых привозили на урок в «Мерседесах» и «БМВ». Ноты за ними носили шоферы и охранники. Екатерина Ивановна старательно учила «новых вермяков», и им с Нюсей хватало на хлеб, масло и сыр.

Бабушка строго воспитывала Аню. К девятнадцати годам девушка была студенткой третьего курса университета, но видела мир исключительно сквозь розовые очки. Анечка не замечала ничего плохого, во всех людях видела только положительные стороны и, замирая, ждала появления принца. А вокруг, как назло, крутились совсем другие кавалеры – наглые, развязные, пьющие, поэтому после занятий Нюша прямоком бежала домой.

– Ты так никогда не выйдешь замуж, – смеялись подруги.

– Судьба и за печкой найдет, – рассудительно отвечала Анечка.

Беды посыпались словно из рога изобилия в январе этого года. Сначала умерла бабуля. Похоронив Екатерину Ивановну, Нюся по-прежнему беззаботно лазила в коробочку, где старушка держала деньги. В марте коробочка опустела. Как отличница, Нюся получала повышенную стипендию – целых 120 рублей. То, что прожить на эту сумму невозможно, стало ясно сразу. И в апреле Анечка оказалась под угрозой голодной смерти. Продав все, что можно, и кое-как перебившись до июля, Нюся решила сдать одну из трех своих комнат. Дала объявление в местную газету, и через десять дней пришел предполагаемый жилец.

Как только Нюся открыла дверь, она сразу поняла, что судьба и впрямь нашла ее за печкой. На пороге стоял принц из ее девичьих грез.

Сговорились быстро, квартирант внес задаток и в тот же день переехал. Вел он себя безупречно: не пил, не курил, покупал продукты, приносил цветы и осыпал девушку комплиментами. Наивная Нюсенька приняла такое поведение за глубокую, искреннюю любовь и стала поджидать объяснения. И не напрасно. Через неделю Аркадий явился с огромным букетом и буквально встал на колени.

– Дорогая, – проникновенно сказал он, – я много лет искал свою половину и уже отчаялся, как вдруг встретил тебя. Твоя необычная красота...

Женщины любят ушами, и Нюсенька не оказалась исключением. Предложение руки и сердца было принято. Жених быстренько устроил бракосочетание, и почти целый месяц Анечка порхала на крыльях счастья. Она даже бросила ходить на занятия, чтобы целый день быть около мужа, готовить ему шанежки и пироги с черемухой, гладить его рубашки.

Единственная тень набежала только один раз, когда на ее просьбу позвать подружек, чтобы отметить свадьбу, Аркадий резко сказал:

– Значит, я уже надоел тебе...

– Что за ерунда, – ответила Нюсенька, – просто так принято.

– Мы будем только вдвоем, – мечтательно протянул Аркадий, – никому пока не говори о свадьбе, девки злые, еще сглазят счастье.

Поглощенная необычной ролью замужней дамы, Нюсенька забыла про подружек и погрузилась в новые ощущения. Каждый день походил на праздник. В любовном угаре девушка не подумала поинтересоваться местом работы супруга, его профессией и даже прежним адресом. Деньги, которые Аркадий заплатил за комнату, кончились через три недели. Нюша пришла к мужу с вопросом:

– Что делать?

Новобрачный нахмурился:

– Совсем ничего нет?

Анечка побренчала монетками:

– Вот.

Супруг вздохнул.

– Настоящие деньги не звенят, а шуршат! Ладно, настало время рассказать правду.

Заинтригованная Нюся пошла на кухню. Разлив по чашкам чай, Аркадий принялся излагать невероятные вещи.

Оказывается, он офицер ФСБ. Работает в Главном разведывательном управлении, заведует девятым отделом, внешней разведкой. В Верми выполнял особое секретное задание. Жениться ему без разрешения начальства нельзя. Но Аркадий увидел Анечку и забыл все на свете: влюбился с первого взгляда. Теперь скорее всего ему надают по шапке. Но это еще не самое страшное. Основная проблема заключалась в его родителях. И если папа, генерал-лейтенант, еще сможет примириться с невесткой из-за Уральских гор, то мама, певица Большого театра, – никогда. Тем более что она уже приготовила для любимого сыночка достойную партию.

– Я слетаю на пару деньков в Москву, – втолковывал ей супруг, – попробую уломать мамулю.

Утром он отбыл, а вечером позвонила женщина и сказала:

– Ну, невестка, собирайся, будем знакомиться, очень уж Аркадий тебя любит, значит, и мы с отцом примем.

Через день вернулся муж, сияя от радости.

– Все чудесно устроилось, – сообщил он. – На работе отнеслись с пониманием, дома и того лучше.

Оставалась ерунда – продать квартиру в Верми, так как жить молодые собирались в Москве. Аркадий провернул дело за сутки. В ответ на робкие попытки Ани не торопиться и поторговаться Аркадий недовольно сказал:

– Зачем? Дали сорок тысяч «зеленых» и хорошо, из-за пары лишних долларов можно тут надолго застрять.

Вечером, когда деньги были уложены и спрятаны в чемодан мужа, раздался телефонный звонок. Аркадий несколько раз коротко ответил:

– Да, да, да.

Потом пояснил:

– Сегодня срочно вылетаю в Москву, на военном самолете. Извини, служба такая.

– А я? – робко спросила Нюся.

– Спокойно дождись четверга, – велел муж, – принесут билет, я в аэропорту встречу. Записывай: Домодедово, газетный киоск, в пятницу, в 19.40.

С тем и уехал. Был вечер понедельника. Вторник и среда прошли в сборах, в четверг никто не позвонил, впрочем, в пятницу, субботу и воскресенье тоже. В понедельник явились новые жильцы и потребовали освободить жилплощадь. Нюся упросила их подождать недельку и дежурила у аппарата. Кроме того, она никак не могла найти записную книжку с адресом и телефоном Аркадия. Блокнотик как сквозь землю провалился. В понедельник опять пришли хозяева и начали шумно возмущаться. Анечка выпросила еще недельку отсрочки, но сегодня, когда она вернулась из университета, ее бывшая квартира встретила ее железной дверью. На звонки изнутри ответил мужчина:

– Убирайтесь, а то и милицию можем вызвать. Хулиганка! Раз продала квартиру, так освобождай жилплощадь.

Анечка чуть не зарыдала. В сумочке у нее как раз лежала только что полученная стипендия. Вместе с копейками, оставленными Аркадием, должно было хватить на билет до Москвы.

Ей повезло, и в восемь вечера она уже стояла в Домодедово. Адреса Аркадия Нюся не помнила, но храбро пошла в милицию и, рассказав всю историю, попросила объяснить, как найти таинственную ФСБ. Усталый милиционер с жалостью поглядел на девушку, но все же выяснил, что Воронцов Аркадий Константинович действительно прописан в Москве, в коттеджном поселке Ложкино. Дали ей и наш номер телефона.

– Это он, – радостно выкрикнула Аня, – хорошо помню, как записывала – Ложкино! Все никак не могла вспомнить.

Денег у нее не было, на звонки почему-то никто не отвечал. Сердобольный дежурный дал 40 рублей, и Нюся храбро двинулась в путь. Промокла, замерзла, устала, ужасно хотела есть и пить, но все же добрела до цели. Двухэтажное каменное здание вселило в ее душу надежду. Именно так, по мнению дурочки, должен был выглядеть дом генерал-лейтенанта и оперной певицы...

– У меня стянули сумку, – пояснил Кешка, – а там лежали деньги, телефон, ну и паспорт. Номер-то я отключил, на деньги наплевал, паспорт получил новый.

– Почему мне не сказал? – накинулась на него Ольга.

– Подумал, чего зря волновать, – каялся Аркашка.

– Какая сволочь! – закричал Дениска. – Попадись он мне в руки! Гадина! Сироту обманул...

Нюша тихонько заплакала. Ольга погладила девушку по голове.

– Ладно, ладно, успокойся. Сейчас помоешься, поешь, выступишься. А завтра подумаем, как поступить.

– Надо Александру Михайловичу сказать, – влезла Манюня, – пусть поймает суку.

– Маня, – укоризненно сказала Оксана, – что за выражение!

– Молчи, мама, – велел Денька, – это еще мягко сказано. А Дегтярева и впрямь надо попросить.

«Боюсь, ему сейчас будет некогда, – подумала я. – Полковник занят избавлением подруги от пожизненного заключения».

Глава 6

В фирму по продаже детского питания я явилась к двум часам. Предварительно заехала в ГУМ и накупила элитной косметики. Больше всего о начальстве знают секретарши, а их сердце дрогнет при виде пудры и помады «Ланком» за смешные деньги.

Так и вышло. Тоненькая черноволосая девушка моментально выбрала ярко-красную упаковку и подозрительно спросила:

– Подделка, что ли?

– Ни в коем случае! – заверила я ее. – Просто рекламная акция. Вот посмотрите тени.

Минут десять мы азартно перебирали коробочки и баночки. Потом я спросила, кивая на дверь с табличкой «Начальник»:

– Можно предложить вашей директрисе?

Секретарша, назвавшаяся Верочкой, покачала головой:

– Мы сейчас без руководства, да и раньше мужчина работал, Точилин Константин Яковлевич.

– Уволился? – равнодушно спросила я, сгребая косметику в сумку.

Вера помотала головой.

– Умер от инфаркта. Вот уж Надежда убивалась, просто черная ходила, да и понятно...

Я затрясла головой, пытаюсь вернуть мысли на место.

– Как умер?

– Просто. Вечером лег спать, утром не проснулся – говорят, мгновенная смерть.

– А Надежда – кто такая?

– Фомина, начальница отдела рекламы.

– Зачем ей убиваться?

– Ха! – ухмыльнулась Вера. – Надьке полтинник подкатывает, особого образования нет. Диплом ей в городе Иваново выдали, в педагогическом институте. Ну что такая умеет?

– Так уж прямо ничего и не умеет?

– Она лентяйка, постоянно бюллетенит, на здоровье жалуется, ноет...

– А Точилина такое положение устраивало?

– Небось не очень, – вздохнула Вера, – а куда денешься?

– Почему?

– Да она его сноха, жена старшего сына Якова.

Вот это новость! Чем же свекор не угодил невестке?

Но Верочка не заметила моей реакции и продолжала радостно болтать, подмазывая глаза новыми, доставшимися по дешевке тенями:

– Надька дура. Яша младше ее. Тоже здесь работает, за компьютеры отвечает. Где уж он свое сокровище отыскал, никто у нас не знает. Только пять лет тому назад заявляется вдруг на работу с обручальным кольцом на пальце. Все, естественно, стали поздравлять, радоваться... У нас тут отношения почти семейные – родственники работают, друзья, чудесный коллектив. Но когда он Надежду привел... просто шок, паралич!

– Почему?

Верочка замерла на секунду, потом нанесла на хорошенький тоненький носик последний слой пудры и вздохнула:

– Стерва, лентяйка, истеричка – всего и не перечислить, и нам теперь мало не покажется!

– Почему?

Вера горестно вздохнула.

– У Константина Яковлевича двое сыновей. Яков – старший, а Николай – младший. Весь бизнес оформлен на Яшу. И сейчас он скорее всего начнет начальствовать. Угадайте, кто им

вертит во все стороны? Надька. У нас годами люди не увольнялись, да и зачем? Работа прекрасная, зарплата как по часам. Но стоило Надьке подружиться с Люсей Рагозиной, Светой Малаховой и Таней Костиной, как разом у них конфликт вышел. Женщины все вместе и уволились. Жаль ужасно, прямо до слез.

– Отчего?

Верочка опять вздохнула.

– Вы когда-нибудь работали в коллективе? Небось не всю жизнь по организациям коробейничали, были раньше приличным человеком, так ведь?

– Преподавала французский язык...

– Ну и как у вас взаимоотношения с коллегами складывались?

Я пожала плечами.

– Ничего особенного, как везде. Кое с кем дружила, кое с кем едва здоровалась, ну сплетни, конечно, скандалы...

– А у нас никогда! – гордо заявила Верочка. – Первый раз попала в такую команду. Словно мушкетеры – один за всех и все за одного. Домой идти не хочется. Здесь либо родственники, либо друзья, других нет. И вот все начнет разваливаться... Народ бежать собирается. Но я никого не осуждаю. С Надькой не сработаться. Жаль, погибнет контора.

– Значит, Константин Яковлевич был хорошим руководителем?

– Чудесным. Добрый, даже жалостливый, интеллигентный. Слова грубого никому не сказал. А умница какая! Начинали с крохотного магазинчика в подвале. Сейчас огромный комплекс с молочной кухней и научным центром!

Испросив у словоохотливой Верочки разрешение походить по конторе, я побежала по коридорам, раздавая почти бесплатно направо и налево элитную косметику. Конечно же, милая секретарша слегка преувеличила размеры предприятия. На первом этаже типового здания детского сада помещался магазин, забитый баночками, бутылочками и коробочками. Здесь же молочная кухня с ацидофильными смесями, администрация, рекламный отдел и еще какие-то комнаты. Везде сидели милые женщины, на столах торчали компьютеры.

Завидя коробейницу, дамы тут же бросали неотложные дела и начинали самозабвенно рыться в моей сумке. Я потратила около часа, чтобы собрать все сплетни. Их просто не было. Служащие просто как одна убивались по поводу безвременной кончины Точилина и хором ругали Надежду. О Якове говорили хорошо, но настороженно. Николая в конторе не знали, он работал в другом месте. За все время существования фирмы из нее уволились только три женщины. Причем оставшиеся крайне недоумевали, отчего бывшие коллеги решились на такой шаг. Зарплата прекрасная, коллектив сказочный. И сделали они это очень странно: почти в один день убежали молчком, не устроив проводов и традиционного в таком случае чаепития. Мне это показалось крайне подозрительным, и я вернулась к любезной Верочке.

– Вот, – весело проговорила я, протягивая ей последнюю оставшуюся коробку туши для ресниц, – подарок от фирмы за оказание помощи.

– Спасибо, – обрадовалась девушка. – Все продали?

– Подчистую. Знаете, о чем я подумала: эти женщины, которые уволились из вашей фирмы, вдруг они работу ищут?

– Не знаю, – протянула секретарша, – они не звонят...

– Хорошие работницы были?

– Отличные! – с чувством воскликнула девушка.

– Дайте мне их адреса и телефоны. Нашей фирме требуются распространители, зарплата хорошая.

Ничего не заподозрившая Верочка радостно сообщила координаты уволившихся.

Я пошла было к выходу, потом сделала вид, что в голову мне пришла неожиданная мысль, и обернулась:

– Вера, извините, но вы были так любезны со мной, скажите, а где живет Надежда Точилина?

– Фомина, – поправила собеседница. – Да зачем вам?

– Понимаете, – начала я мямлить, – она, наверное, красится?

– Как забор, в три слоя.

– Ну вот, а я имею процент с продажи, заглянула бы к ней ненароком, на рабочем месте ее нет...

– Пишите адрес, – велела Вера, – только не говорите, что я дала.

– Никогда!

Выйдя на улицу, я со всего размаху угодила в ледяную, наполненную жидкой грязью лужу. А на ногах-то всего лишь тоненькие замшевые ботиночки. Чертыхаясь, я села в машину, стащила ботинки с ног и надела валявшиеся под сиденьем босоножки. Ну вот, а Аркадий еще говорит, что у меня в машине бардак. Вот ведь как пригодились.

Кеша с детства обожал автомобили. Первый раз за руль сел в двенадцать лет – сосед разрешил покрутить баранку. К глубокому изумлению мужика, Аркашка поехал абсолютно ровно и быстро.

– Слушай, – приговаривал мужчина, – да он родился с ключом от зажигания в руке.

Когда остальные дети гоняли во дворе в мяч или играли в прятки, Кешка будто привязанный торчал возле ненормальных автолюбителей, самозабвенно копавшихся в чреве своих «коней». Потом ему стали доверять несложные операции – подкачать колесо, долить дистиллированной воды в аккумулятор, прокалить свечи... Постепенно процедуры усложнялись, и через два года почти все мужское население близлежащих домов ломилось к нам в квартирку с незатейливой просьбой:

– Кешик, глянь, не работает...

Аркашка со скучающим видом спускался вниз, поднимал капот, засовывал руку в грязные внутренности машины, и через пару секунд бодрое фырчание мотора повергало очередного хозяина в транс.

– Господи, как он это делает? – изумлялись автовладельцы. – Раз, два – и все...

Увидав такой расклад, соседки понесли нам утюги, кофемолки и радиоприемники. Но их ожидало глубокое разочарование. Ни один из бытовых приборов в руках Аркадия и не собирался оживать. Талант Кешки распространялся только на автомобили.

Поэтому, как только на нас свалилось богатство, Аркадий тут же купил «Мерседес». Именно этой марке безраздельно принадлежит его сердце. Абсолютно не жадный, сын просто звереет, когда кто-нибудь приближается к его сокровищу.

Мой «Вольво» и Зайкин «Фольксваген» в случае необходимости отправляются в авторемонтную мастерскую, и моет их по утрам садовник Петя. Свой «Мерседес» хозяин обрабатывает собственноручно. Все полочки в гараже забиты шампунями, натирками и полиролями. Набору губок позавидует любая кокетка. Стоит ли говорить, что свое «сокровище» Кеша моет самолично, причем температура воды в ведре предварительно проверяется термометром. Только 35,6! Иначе потускнеет лак. Зайка, увидевшая один раз эти приготовления, просто затряслась от злости.

– Прикинь на минутку, – закричала она, врываясь ко мне в спальню, – Аньку с Ванькой он просто запикивает в ванну, а когда те начинают орать, приговаривает: «Ну подумаешь, чуть-чуть холодновато, ну ошибся папа!»

Откуда у него страсть к автомобилям, я не знаю, но явно не от отца. Моего первого мужа – художника Костика любой предмет, состоящий из гаек и шестеренок, приводил в ужас. Может, страсть пришла по линии матери? Я с ней не была знакома. Костя уже состоял в разводе, когда познакомился со мной. Куда подевалась его бывшая супруга, было непонятно, но она исчезла

из жизни моего первого мужа, оставив ему ребенка. Я воспитывала его с младенчества, и после нашего с Костей развода мальчик остался со мной.

Машу принесло последнее, четвертое замужество. Мой тогдашний избранник Генка был хорош всем, кроме небольшого изъяна – пил горькую, не просыхая ни днем, ни ночью. Поняв, что битва с зеленым змием будет мной проиграна, я просто-напросто отправила супруга домой к маме.

Спустя два года помолодевший и похорошевший Гена пришел ко мне вместе с приятной светловолосой женщиной. Оказалось, он встретил настоящее сокровище – Ренату. Той удалось сделать невозможное – Геннадий бросил пить, и супруги собрались эмигрировать в Америку. У Ренаты была дочь – полугодовалая Маша. Об ее отце женщина говорила скупой – вроде он бросил ее беременной и ни разу не встречался с дочерью. Супруги боялись брать с собой в неизвестность малышку.

– Будь человеком, – просил Генка, – поддержи полгода девчонку у себя.

– Но как же так? – растерялась я.

– Просто, – пожал плечами бывший муж, – мы укажем в документах, что девочка временно остается у бабушки, матери Ренаты. Ее и оформим опекуном.

подавив на корню желание задать вполне естественный вопрос, почему родная бабуля не желает на самом деле позаботиться о внучке, я опрометчиво согласилась. И только когда заболевшей девочке пришлось впервые вызвать врача, сообразила, что никаких документов они мне не оставили. Ни метрики, ни карты ребенка. Забыли дать и телефон заботливой бабушки, равно как и свой американский адрес...

На моих руках оказался ребенок, как бы не существующий в действительности. Единственное, что я знала точно, – имя матери – Рената. Даже день рождения – 6 сентября – придумал позднее Аркадий. Спустя несколько месяцев из маленького городка Юм, штат Пенсильвания, пришло письмо. Генка сообщал, что Рената скоростигжно скончалась, а ему чужая девочка абсолютно не нужна. Правда, указал номер телефона бабушки. Но нелюбезный мужчина невнятно пробормотал в трубку, что прежняя хозяйка поменяла квартиру и съехала. Увы, никаких сведений о ней он не имеет. Целый год я ломала голову, как поступить. Наконец Александр Михайлович взял метрику Аркадия и через неделю принес небольшую книжечку. Я раскрыла ее и пришла в ужас: «Воронцова Мария Константиновна»! Приятель, недолго думая, превратил Аркадия и Маню в родных брата и сестру.

– Ребята в техотделе сказали, что так лучше, – пояснил полковник, впрочем, тогда еще майор. – Опасно вписывать в документ несуществующих лиц...

На моей памяти это был единственный случай, когда он нарушил закон. Но как орал Костик, когда я явилась к нему с просьбой отказаться от родительских прав в мою пользу!

Отвизжавшись, он заявил:

– Тогда уж и Аркадия забирай, нечего на мои алименты всех кормить.

Так дети стали окончательно моими, и мы никогда не пожалели о случившемся.

* * *

Отъехав несколько кварталов, я позвонила милой Леночке и немедленно узнала, что Игорь Марков всегда решал дела без крови, действуя где шантажом, где уговорами, а где угрозами. Дальше угроз дело не шло: Марков хоть и нарушал Уголовный кодекс, все же старался особо не зарываться.

– Знаешь что, – зашептала Леночка трагическим шепотом, – ты, кажется, права. Тут сегодня опять менты приходили и все вверх дном перевернули, по гвоздику кабинет разобрали. Что-то искали.

– Нашли?

– Да он отродясь здесь ничего не держал, все в кейсе возил. Наверное, дома хранил, в компьютере. Хотя у меня вот, например, есть его ежедневник. Ну знаешь, календарик такой, куда пишут план на неделю.

– И милиция его не забрала?

Леночка придушенно захихикала:

– Так он у меня в сумке лежит, а туда никто и не лазил.

Я пообещала ей подъехать к шести часам и забрать «склерозник». Но сейчас только два – самое время зарулить в «Макдоналдс». Нацепив на ноги мокрые ботиночки, прилипшие к ступням, как компрессы, я вошла в мирно гудящий зал. Рот сразу наполнился слюной. Обожаю вредные котлеты с булками. Понимаю, что они наносят непоправимый вред моему организму, но поделать ничего не могу. И нигде мне не думается так хорошо, как в ресторане «Макдоналдс». А поразмышлять есть о чем!

Марков в пятницу сказал Леночке: дело Фоминой закончено. Интересно, что он имел в виду? Ведь Константин Яковлевич Точилин умер в прошлый понедельник, а в среду был кремирован. Неужели Игорь пошел на убийство? Просто невероятно! Тогда о каком завершении дела шла речь? И где хранится архив? Дома в компьютере? Но тогда небось милиция уже перерыла все файлы. Как бы узнать? Есть только один путь: поехать к жене Маркова и попробовать произвести разведку боем. Заодно узнаю, кто третировал несчастную бабу по телефону и почему она приняла меня за любовницу блудливого муженька! Вот только адреса не знаю. Виталий вез меня тогда какими-то переулками в район метро «Кропоткинская». Причем дом помню хорошо: большой, старинный и квартира на третьем этаже.

Пришлось опять звонить Леночке. Та немедленно сообщила адрес и добавила:

– Ну так я жду тебя к шести, не опаздывай.

Я заверила ее в своей точности и попросила:

– Слушай, вдруг Виталий Орлов появится, пусть меня подождет.

– Да он тут с пятницы не показывался! – пробормотала Лена. – Ладно, скажу.

Я позвонила по телефону, услышала тихое, печальное: «Алло», – и обрадованно повесила трубку. Птичка в клетке!

Дом я узнала сразу – на этой небольшой улочке он был один такой: огромный и слегка нелепый. Дверь квартиры приоткрылась, и я увидела довольно полную небрежно одетую женщину. Углядев, кто стоит на лестничной клетке, тетка возмущенно воскликнула:

– Ну не стыдно ли! Домой заявлялась!

Она попробовала захлопнуть дверь перед моим носом, но я ловко просунула ногу в щель и быстро пробормотала:

– Надо поговорить.

– Не о чем! – отрезала Маркова. – Пошла вон, нахалка! Да заруби себе на носу, что квартира, дача, машина – все записано на мое имя. Даже если этот идиот пообещал тебе золотые горы, ничего не получишь! Ну куда лезешь, наглая тварь?

Не обращая внимания на ругань, я втиснулась в прихожую и с чувством произнесла:

– Я не та, за кого вы меня принимаете.

Маркова рассмеялась злым, нервным смехом.

– Правда, правда, – попробовала я успокоить женщину, – я никогда не состояла с Игорем ни в каких отношениях.

– Ха! – выкрикнула вдова. – Что, я тебя на кухне не видела? Сидела, улыбалась, крыса недоенная.

Я хотела было возразить, что доить крысу – неблагоприятное занятие, но осеклась и миролюбиво сказала:

– На кухне и правда сидела. Только пришла вместе с Виталием Орловым, и речь шла о моем трудоустройстве на фирму Игоря.

– Ой, хватит врать-то! – не успокаивалась баба. – Кем же хотела пристроиться? Продавцом в вагон? Так там полный комплект... Ну, зачем явилась? Мало меня мучила? Сейчас-то что? Все, никому не достался, ни тебе, ни мне...

И она разразилась отвратительными рыданиями. Я глядела на нее во все глаза, отчего-то совершенно не испытывая жалости. Честно говоря, женщина выглядела непривлекательно. Из-под коротковатого застиранного байкового халата торчали белые опухшие ноги со змеящимися крупными венами. Талия практически отсутствовала. Весьма объемная грудь уютно устроилась на подушкообразном животе. Шеи не наблюдалось. Голова покоилась непосредственно на жирных плечах. Морщин, правда, оказалось мало, да откуда они возьмутся, если под кожей лица такой слой сала? Заплывшие глаза были невыразительны.

Исключение составляли роскошные черные волосы, выющиеся картинными кольцами. Любая цыганка позавидует таким кудрям! Впрочем, и зубы оказались хороши... Вспомнив элегантного, подтянутого, благоухающего дорогим парфюмом Игоря, я вздохнула и тронула вдову за лилейное плечико.

– Послушайте, хотите, поклянусь на Библии, что увидела вашего мужа в первый раз совсем недавно? Сама ищу его таинственную любовницу, меня из-за нее могут в тюрьму посадить.

Маркова прекратила истерически взвизгивать, пошмыгала носом и неожиданно приказала:

– Снимай брюки.

– Зачем? – изумилась я.

– Снимай, говорю, если хочешь, чтобы я тебе поверила!

Недоумевая, я стащила черненькие узенькие слаксы. Маркова толкнула меня в спину.

– Иди на кухню, там светлее.

Держа штаны в руках, я пошла за ней. На кухне женщина развернула меня спиной к окну, минуту смотрела на мои ноги, зачем-то провела рукой под правой коленкой и пробормотала:

– Гляди-ка, и впрямь, похоже, правду говоришь!

Я возликовала:

– Слава богу, вот видишь! Да что ты там искала, на ноге?

– У той бабы, – сообщила вдова, – родимое пятно как раз в стиге ноги, довольно большое.

Я ее один раз случайно без колгот увидела!

– Где?

– Без пол-литра не расскажешь! – вздохнула Маркова. – Только сначала объясни, откуда ты взялась и что случилось?

Я уселась на табуретку и поискала глазами пепельницу.

– Кури, кури, – успокоила женщина, включая чайник, – а я выпью, чтоб расслабиться.

Кстати, не представилась – Алиса.

– Даша, – пробормотала я, роняя пепел на стол, – Даша Васильева.

Глава 7

Расслабилась Алиса капитально – упиалась до свинячьего визга. Не знаю, была ли у нее привычка к регулярному пьянству, но сегодня она не охнув приняла на грудь сначала почти целую бутылку водки и отлакировала это кокосовым ликером. Причем разобрало ее не сразу. Я только дивилась, глядя, как Алиса лихо опрокидывает рюмку за рюмкой. Правда, она налегла и на закуску. Проворно слопала целиком довольно упитанную курицу, потом соорудила несколько многоэтажных бутербродов с маслом, сыром и ветчиной. Мне такого количества харчей хватило бы на месяц. Увидав мой изумленный взгляд, Алиса пояснила:

– Как начинаю нервничать, никак не могу с собой справиться, мету все подряд. Психолог говорит, это я душевную боль заедаю...

– Небось у тебя много поводов для дерганья, – констатировала я, оглядывая тумбообразное тело.

– С таким-то кадром, как мой, – махнула рукой Алиса, – каждый день как на чеченской границе. Ты послушай, что за тип.

Женаты они были пятнадцать лет. Алиса не поленилась и принесла тяжелый альбом с фотографиями. Трудно было узнать в хорошенькой смугляночке нынешнюю госпожу Маркову.

– Сорок четвертый размер носила, – со вздохом объяснила обжора, – со спины за мальчика принимали...

Игорь тогда бегал по стройке с ведром и лопатой. Заработок грошовый, Алиса приносила в семью на порядок больше мужа. Одевала, обувала да и кормила. Потому что трудилась женщина не где-нибудь, а массажисткой в поликлинике Союза театральных деятелей.

– Сказать тебе, кого голым видела, – откровенничала Маркова, – так не поверишь! Сколько их через мои руки прошло!..

Руки у нее действительно были хорошие, и в карман ручьем текли левые заработки. В те годы Игорь вел себя очень смирно, встречал жену вечером у метро, безропотно бегал на рынок за картошкой и никогда не ругался. Он вообще заметно выделялся на фоне всех остальных знакомых мужчин Алисы – не пил, не курил, не хулиганил... Детей им бог не дал, куковали вдвоем, тихо проводя вечера у телевизора...

Когда Марков решил попытать счастья и начал торговать продуктами, деньги на раскрутку ему дала Алиса. Сначала дела шли бойко, потом через пень-колоду, но все равно в семейный бюджет тоненьким ручейком текла прибыль. Алиса мечтала о новой квартире. Их однокомнатная казалась слишком тесной. Женщина самозабвенно меняла рубли на доллары, складывая «зелень» в коробку из-под обуви.

Однажды Игорь пришел домой возбужденный и страшно веселый. Не объясняя ничего, велел Алисе собираться и привез жену в роскошные четырехкомнатные апартаменты в центре города.

– Это наша новая квартира, – гордо заявил он.

Алиса обомлела и пошла разглядывать комнаты. Потом, прикинув, сколько может стоить подобная хата, подумала, что муженек ограбил банк, и ужасно испугалась. Но Игорь утешил супругу:

– Все абсолютно законно, просто бизнес хорошо идет.

Ночью Алиса долго ворочалась без сна в жаркой супружеской кровати. У нее было несколько знакомых, тоже торговавших продуктами, и все жаловались на почти полное отсутствие прибыли!

Отгнав ненужные мысли, Маркова принялась обустриваться. Комнат много, и она оборудовала себе отдельную спальню. Игорь не возражал, даже радостно заметил:

– Ну теперь можно телик хоть до утра смотреть, никто ворчать не станет.

Алиса, не умеющая спать при свете, только вздохнула. Потекла размеренная жизнь, в семье прочно поселился достаток. Летом съездили в Турцию, осенью купили машину. Но в душе Алисы начали копошиться нехорошие подозрения. От природы она обладала не слишком пылким темпераментом, и Игорь иногда ругал ее за вялое исполнение супружеских обязанностей. В последнее же время перестал выяснять отношения на эту тему. Раз в неделю, обычно по субботам, приходил в спальню к жене и довольно быстро завершал «упражнение». Алиса решила, что муж постарел, и успокоилась. Жизнь казалась ей прекрасной. Она бросила работу и занялась разведением комнатных цветов.

Неизвестно, сколько времени Алиса пребывала в блаженном неведении, но однажды, выворачивая карманы брюк мужа перед стиркой, она обнаружила квитанцию из медицинского центра на фамилию Молокян.

Полная дурных предчувствий, Алиса съездила на Полянку и узнала, что Лиана Молокян делала там аборт. В тот же день над головой мужа разразилась гроза. Когда перебившая чайный сервис Алиса перевела дух, Игорь рассмеялся и сказал:

– Такой ты мне нравишься: ревнивая, как тигра. Только повода нет. Лиана работает в вагончике, вот я и пожалел дуру. Залетела неизвестно от кого, а квитанцию мне принесла для отчета, надо в бумаги вложить!

Алиса сделала вид, что поверила, но на следующий день не поленилась съездить в Бирюлево, нашла вагончик. Покупая бутылку растительного масла, спросила у торговли – разбитой бабенки лет пятидесяти:

– Здесь вроде другая женщина работала, Лиана?

– Уволилась давно, – засмеялась торговка, – у нее теперь другая работа.

– Какая? – с замиранием сердца спросила Алиса.

– Хозяйина нашего обслуживает, некогда за прилавком стоять, – ухмыльнулась бабенка. – Я бы и сама под него легла, да Игорек кого помоложе ищет, повкусней. Тут такие кадры приезжают – закачаешься!

Домой Алиса явилась сама не своя. Вновь разгорелся скандал, звенела разбитая посуда и разлеталась мебель. Алиса потребовала, чтобы в вагончике работали только мужчины. Муж согласился, но это не погасило ревности. Стоило Игорю чуть задержаться на службе, как в него летели тяжелые предметы, а тирады, которыми раздражалась супруга, были подобны залпам артиллерии. Но военные действия не помогали. От мужа периодически пахло чужими духами, а на губах Игоря играла сытая улыбка, и был он похож на кота, всласть нализавшегося сметаны.

Так прошло еще несколько лет. И однажды в ответ на очередные попреки Марков заявил:

– Хватит! Не устраивает тебя такая жизнь – я согласен на развод.

Алиса прикусила язык. Ее возраст стремительно катился к сорока – негодный товар для ярмарки невест. К тому же быть женой даже неверного мужа лучше, чем убогой разведенкой. Алисе оставалось только рыдать в подушку да заедать горе. Супруг, почуяв безнаказанность, распоясался окончательно. Несколько раз не приходил ночевать и на все попреки отвечал одной фразой:

– Неси заявление на развод.

Потом он вообще перестал обращать внимание на супругу. Не поздравил с днем рождения, забыл про годовщину свадьбы, а потом сообщил:

– Еду отдыхать.

Алиса радостно бросилась собирать чемоданы, но Игорь притормозил жену:

– Без тебя, один!

Несколько дней женщина не находила себе места и в день отъезда приехала в Шереметьево. Спрятавшись возле туалета, Алиса увидела, как к мужу подошла тоненькая блондиночка. Парочка, обнявшись, отправилась на таможенный контроль. Трясущимися от злобы руками госпожа Маркова сделала несколько фотографий и поехала домой.

На кухне она первым делом бросилась опустошать холодильник. Вес Алисы давным-давно перевалил за девяносто килограммов, но она никак не могла справиться с ненасытным желудком.

Когда блудный муж, загоревший и веселый, переступил порог родного дома, на столе лежали готовые фото. Игорь повертел снимки в руках.

– Ну и что? Между прочим, Люке почти столько же лет, сколько и тебе, а посмотри, как выглядит! Ты вообще в зеркало давно смотрелась? Так пойді поинтересуйся.

– Машина, квартира и дача записаны на мое имя, – твердо ответила Алиса, – а развода никогда не дам, хоть убей!

Игорь рассмеялся.

– А мне развод не нужен. Совершенно не собираюсь вновь связывать свою жизнь с одной бабой. Я теперь вольный стрелок. Но спать с тобой больше не стану.

Так их отношения вступили в новую фазу. Квартира превратилась в коммуналку. Пару раз вспыхивали скандалы, потом наступал шаткий мир, и даже выработался своеобразный уклад жизни. Игорь давал деньги на хозяйство. Алиса ходила по магазинам и готовила еду. Убиралась домработница. Игорь вел себя прилично. Никаких женщин в дом не водил, ночевал в своей постели... Ругань прекратилась.

В сентябре Марков предложил жене съездить в Карловы Вары. На знаменитом курорте работала клиника для тучных. Алиса согласилась. Но накануне отлета тайком установила в спальне мужа «шпионский» фотоаппарат. Хитрая машина была налажена таким образом, чтобы раз в сутки – в одиннадцать вечера – делать компрометирующие снимки. В пленке было 24 кадра. Игорь не поскупился – приобрел для жены тридцатидневный тур.

3 сентября она вернулась в Москву. Специалисты хорошо знали свое дело, и лишние пятнадцать кило остались на курорте. Игорь одобрительно посмотрел на постройневшую супругу и даже зашел в ванную, когда та принимала душ.

Но радость моментально покинула Алису, когда на следующий день она добралась до фотоаппарата. Из двадцати четырех снимков на девятнадцати оказалась запечатлена все та же стройная блондинка в разной степени раздетости. Чувствуя, как волна злобы поднимается по спине к затылку, Алиса разглядела соперницу в деталях. Пришлось признать: любовница выглядела изумительно. Единственное, что портило даму, – довольно большое родимое пятно на правой ноге, как раз в сгибе колена. В остальном – высший класс.

Алиса не показала мужу фотографии, тем более что Марков вел себя просто безупречно. Нервозность неожиданно стала проявлять соперница. Первый раз она позвонила утром и нагло потребовала:

– По-моему, вам следует дать мужу свободу. Не надоело быть собакой на сене?

Алиса даже растерялась от подобного заявления и не нашла достойных слов для ответа. Но женщина принялась беспокоить ее каждый день. Сначала просто упрасивала, потом начала хамить – описывала достоинства Игоря как любовника.

– Такая жирная корова, как ты, ему не нужна, – заявляла соперница, – отпусти Игоря.

Алиса купила определитель номера, но хитрая тетка, очевидно, звонила из телефонной будки: вместо цифр в окошечке высказывали черточки...

В конце концов Алиса попробовала поговорить с мужем, но он возмутился:

– Не ври, Люка – интеллигентная женщина и просто не способна на такие выходки.

– У нее есть настоящее имя или только собачья кличка? – усмехнулась Алиса.

Игорь походя смазал ее по лицу кухонной тряпкой – не больно, но очень обидно – и произнес:

– Ты не стоишь ее мизинца.

– Вот как! – озверела Алиса. – Значит, когда деньги на основание бизнеса брал, я была хороша? Кстати, должок ты так и не вернул, мое, мной заработанное потратил...

Игорь молча вынул из кармана портмоне, отсчитал десять пятисотрублевых бумажек и протянул ей.

– Это что? – изумилась Алиса.

– Ты права, давно следовало отдать, извини. Брал пять тысяч, вот они, забирай.

Алиса поглядела на Игоря и поняла, что тот просто издевается. Пять тысяч в 1993 году и пять тысяч в нынешнем – это абсолютно разные тысячи. Жизнь демонстрировала ей звериную морду.

Но человек привыкает ко всему. Бесконечные звонки Люки перестали волновать, превратились в обыденность. Да и самой любовнице, очевидно, поднадоело тиранить законную супругу. И резкий, похожий на пингвиний крик голос звучал в телефонной трубке все реже и реже.

Злость ударила Алисе в мозги только один раз, когда она увидела, как Люка нагло восседала на ее собственной кухне с сигаретой в руке.

– Мы так похожи? – удивилась я.

– Как яйца, – заявила, икнув, Алиса. – Гляди.

Она достала из кухонного стола пачку фотографий. На всех снимках красовалась одна и та же женщина. Да, действительно сходство феноменальное. Только я – натуральная блондинка, а дама, вольготно раскинувшаяся на большой кровати, явно крашеная. Фотоаппарат запечатлел ее совершенно обнаженной, а цвет волос на теле, как правило, совпадает с оттенком шевелюры. Правда, мужчины не обращают внимания на такие детали, а вот женский глаз провести трудно. И грудь у нее больше. Мне господь от щедрот своих отсыпал нулевой размер, а у этой мадам скорее всего второй, а может, даже и третий...

Я взяла другой снимок, тот, где Люка, уже полностью одетая, сидит у стола. Да, невероятное, потрясающее сходство. Голубые глаза, тонкий нос, маленький рот и даже родинка на правой щеке. Но это только на первый взгляд. Когда присмотришься повнимательней, становится понятно, что скулы у Люки более высокие, возле губ залегла глубокая складка, а глаза смотрят на мир жестко, цепко и зло. У меня никогда не было такого акульего взгляда. К тому же в правой руке Люка сжимала тоненькую коричневую сигарку. Такие продаются в плоских железных коробочках. «Кофе с молоком» – кажется, так называется этот сорт курева. Абсолютно невозможный для меня сорт: я сразу зайдусь в кашле, едва вдохну этот дым.

Но пока ничего криминального нет. Краситься в блондинку законом не возбраняется, курить сигарки тоже разрешено. Вот охота на чужого мужа осуждается, но только людской молвой. В Уголовном кодексе ничего не сказано о прелюбодеянии. А что не запрещено, то можно.

Люка совершенно меня не заинтересовала бы, но только вот одна маленькая деталька. Скорее всего именно ее видела соседка Маркова, Алла Симонова. Это она, а не я состояла в связи с Игорем, и, очевидно, именно она ездила на бордовом «Вольво». Однако слишком уж много совпадений в этой гнусной истории. Следует найти данную особу и задать ей пару вопросов.

– Как ее фамилия? – спросила я у зевающей Алисы.

– Не знаю ничего – ни имени, ни отчества, ни адреса, – пробормотала вдова, роняя голову возле недопитой рюмки с липким кокосовым пойлом, – ни-че-го!

Да уж, нелегкая задача – отыскать в многомиллионном городе женщину без опознавательных знаков. Хотя...

– Эй, – принялась я толкать Алису, – эй, скажи, когда похороны Игоря?

– Завтра, – заплетающимся языком проговорила та, – завтра в 12 дня едем от судебного морга...

Вести с ней дальнейший разговор было бессмысленно. От стола понесся пьяный храп. Я сунула в карман несколько фотографий загадочной Люки и отправилась на поиски документов.

Апартаменты были обставлены богато. Вернее, так, как бывший советский человек представляет себе богатство. Кругом кожа, бронза и позолота. Не обошлось и без комнатного фондучика. Спальня Алисы выглядела кошмарно – полированный шкаф с вазочками, огромное трюмо, кровать с витиеватыми спинками – все белое с голубым. По-моему, такой гарнитур называется «Людовик XVI». Интересно, как отреагировал бы король, увидав мебель, названную в его честь?

В гостиную Марковы, похоже, забредали редко. Пыльная стенка с обязательным хрусталем, обеденный стол, двенадцать обтянутых бордовым атласом стульев и шторы из того же материала. Вот уж не думала, что драпировки стоимостью полторы тысячи за метр могут так препохавно выглядеть. Ольга недавно меняла гардины в кабинете, и мы проехали по магазинам. Так вот, этот атлас – самый дорогой и модный прикид для окон. Но даже если бы мне дали его бесплатно, я ни за что не взяла бы.

Игорю принадлежали две комнаты. Поменьше – спальня, побольше – кабинет. В обеих царил жуткий беспорядок. Наверное, милиция производила обыск, а может, он просто так жил, в полном бардаке.

В спальне не нашлось никаких бумаг. Только гора видеокассет. Я перебрала коробочки. Так, ерунда. Парочка разрекламированных импортных боевиков, комедии Рязанова и немного порнухи. Обычный, не представляющий интереса набор...

В кабинете на письменном столе валялись какие-то бланки. Я взяла верхний. «Сертификат качества. Растительное масло в бутылках». Руки как бы сами собой быстро перебирали документацию. Чем он только не торговал: рис, гречка, сухари, сахар, сельдь, пшено... Просто бакалейная лавка. Здесь и расписки продавцов в получении зарплаты, какие-то счета, справки... Но все относится только к продуктам. Куда же подевались следы работы детектива?

У окна красовался на специальном столике роскошный компьютер с огромным монитором. Я включила машину, и она, загудев, тотчас же вывесила меню. Игорь ни от кого не прятался и пароля не заводил.

Щелкая мышкой, я принялась лазить по тайникам, но и здесь меня поджидало горькое разочарование. Великолепная суперсовременная машина использовалась только в качестве партнера по играм – в памяти компьютера хранились сотни вариантов пасьянсов. Вскоре я поняла, что Марков резался посредством Интернета в преферанс и покер. Еще обожал всяческие стратегические игрушки. Часть из них инсталлирована, а в столе лежали горы дисков. И никаких документов!..

Я выключила компьютер и взглянула на часы – пять. Пора торопиться, а то Леночка уйдет домой...

Бросив последний взгляд на кабинет, я решила покурить перед уходом. Села на диван и попробовала выдохнуть дым колечком, но изо рта вылетел бесформенный сизый клочок. Он быстро поплыл к потолку и зацепился за люстру. Станный осветительный прибор привлек мое внимание. Интересно, вся квартира отделана по высшему классу, в туалете стоит унитаз из розового мрамора с «золотом». Во всех комнатах свисают с потолка хрустальные люстры с подвесками и «слезками», а в кабинете хозяина на потолке мирно пристроилась пластиковая трехрожковая люстрочка производства ГДР. Когда-то они висели в каждой второй квартире. Народ любил их за дешевизну и практичность. И у меня была такая, правда, плохо кончила. Под каждым рожком свисает такая кругленькая бомбочка. Так вот, маленькая Маруся вознамерилась достать их. Притянула из туалета стремянку, залезла на самый верх, покачнулась и, чтобы сохранить равновесие, уцепилась за светильник... Короче, когда я пришла с работы, под потолком тосковал одинокий крючок. Разбитые плафоны и лампочки Кешка выкинул. Правда, бомбочки Маруське все же достались. Они оказались развинчивающимися, полыми внутри и долго служили для кукол суповыми тарелками...

Я схватила стул, влезла на него и отцепила пластиковые кругляшки. Два легких, третий заметно тяжелее. Внутри лежал небольшой ключик от английского замка, самый обычный, без брелочка и колечка...

Я глядела на него, как Буратино. Даже мысли у меня были такие же, как у деревянного мальчика: ключик в руках, но где же к нему дверь? Где найти каморку папы Карло с нарисованным очагом?

Глава 8

В декабре полшестого вечера – глубокая ночь. Мрак окутал город. Под ногами липкая грязь, сверху сыплется что-то похожее на манную крупу. Чтобы хоть чуть развеселиться, я включила радио. Бодрый голос ди-джея с идиотским энтузиазмом принялся верещать:

– А теперь ждем ваших звонков. А вот уже... Здравствуйте, как вас зовут?

– Что в имени тебе моем? – усмехнулся женский голос в ответ.

Ди-джей, не ожидавший ничего подобного, сначала оторопел, я расхохоталась и в превосходном настроении понеслась к Леночке, слушая, как несчастный сотрудник радиостанции пытается выбраться из глупой ситуации.

Леночка сидела за столом и выглядела плохо. Бледное лицо, почти бескровные губы. На кухоньке стояли две чашки с кофейной гущей, на ободке одной из них виднелась ярко-оранжевая помада.

– Гости были? – радостно спросила я, глядя на губы Леночки, не тронутые губной помадой.

– Из милиции заходили, – тихо сказала девушка и схватилась за живот.

– Что такое? – испугалась я.

– Гастрит разыгрался, – пояснила Леночка, – прямо скрутило. Только кофе выпила, и сразу началось...

– Кто же пьет кофе с больным желудком?

– А!.. – махнула рукой Лена и, порывшись в большой сумке, вытащила элегантную книжечку в кожаном переплете. – Вот, это ежедневник Игоря.

– Почему он у тебя? – спросила я.

– На столе всегда лежал, – пояснила Лена, – а когда милиция нагрянула, я его аккуратно в карман опустила. Менты сначала не сказали, что Игорь мертв, просто начали обыск. Я подумала, что он доигрался и в тюрьму попал, ну и решила помочь...

Внезапно девушка побелела еще сильнее и прошептала:

– Дай воды!

Я протянула ей стакан. Лена залпом опустошила его и попросила:

– Будь другом, помой чашки, сил нет, как больно.

Я слила гущу в раковину и предложила:

– Давай врача вызову!

– Не надо, – пробормотала Лена, – сейчас де-нол приму, живо отпустит. Мне болеть нельзя, Алиса Евгеньевна уволит.

– Кто? – не поняла я.

– Жена Игоря, Алиса. Она теперь тут хозяйничать станет. Кстати, завтра похороны, подъезжай к двенадцати на Козлова.

Я кинула взгляд на часы – половина седьмого.

– Иди, иди, – поняла по-своему Леночка, – за мной скоро мама явится, в семь договорились.

– Послушай, Игорь снимал квартиру?

Лена кивнула.

– Называл ее оперативной. Держал там грим, парики, всяческую ерунду. По-моему, он просто был большим ребенком. Играл в шпиона. Надо не надо, обязательно переоденется... Менял квартиры. Наверное, и с любовницами там встречался...

Секретарша встала из-за стола и легла на диван. Лицо ее посерело.

– Все-таки вызову врача, – забеспокоилась я.

– Не волнуйся, – улыбнулась Лена, – у меня с детства такие приступы, да и мама сейчас придет.

– Давай съезжу за ней?

– Она уже, наверное, ушла, впрочем, позвони...

Я набрала продиктованный Леночкой номер. Но в трубке мерно пищали длинные гудки.

– Мама в шесть заканчивает, – пояснила девушка. – Иди домой, все в порядке.

Я поколебалась еще пару минут, но потом все же пошла к выходу. В это время дверь распахнулась, и в комнату быстрым шагом вошла хорошенькая маленькая блондиночка. Бросив на меня быстрый взгляд, она посмотрела на дочь, растянувшуюся на диване, и с чувством произнесла:

– Ну не дура ли! Опять кофе пила?

Я оставила их разбираться и поехала в Ложкино. Дома на меня первой налетела Маруся. Подпрыгивая на месте, она тут же принялась выкладывать новости. Получила пятерку по литературе, зато биологичка поставила двойку абсолютно ни за что. Кирюша Когтев утащил у Мани ластик, а Манюша не осталась в долгу и вклеила ему учебником по голове... Вот оба и получили по «лебедю».

– Ну разве это справедливо? – ныла девочка. – При чем же тут биология? Ставь неуд по поведению! Не видать мне в четверти пятерки!

– И правильно, – вступил в разговор Кеша, – в школе следует получать знания, а не балбесничать. Я в твоём возрасте сидел смирно и имел одни «отлично».

Чтобы не расхохотаться, я быстренько набила рот творогом. Почему-то все старшие братья и папы в детстве непременно получали золотые медали. Но, как правило, это неправда. Помню, в конце девятого класса Кеша радостно влетел на кухню и громко объявил нам с Наташкой:

– Ура! Каникулы!

– Как закончил? – спросила Наталья.

– Без троек, – радостно объявил отпущенный на свободу ребенок.

Мы переглянулись. Успехи в течение года не предвещали такого блестящего результата.

– Давай дневник, – велела Наташка.

Через секунду, увидав отметки, мы ошеломенели. В клеточках и в самом деле не нашлось ни одной тройки, только красивые двойки с изогнутыми шеями. Внизу пара строк: «Переведен в десятый класс, чтобы побыстрее от него избавиться».

Но в выпускной год Аркашка вдруг взялся за ум и, к нашему удивлению, получил вполне приличный аттестат. Наверное, просто повзрослел.

– Где все? – переменяла я тему.

– Зайка поехала с Нюсей в магазин, у нее ведь даже белья с собой нет, – ухмыльнулся Аркадий. – В общем, обе мои жены при деле. Оксана спать легла, а Денька на кухне чешет Черри. Лучше туда не ходить, ругается страшно...

Дениска учился в Ветеринарной академии и профессию «собаколога» выбрал по велению сердца. С самого раннего детства тащил в дом щенков и бездомных собак. Годом к четырнадцати освоил нехитрые процедуры – стрижку когтей, измерение температуры... Мог принять роды и сделать укол... Наши собаки просто обожали его. Став студентом, Денька посерьезнел и, входя в дом, первым делом проверяет состояние их ушей и шерсти. И тут же начинает плевать огнем. Дело в том, что питбуль, ротвейлер и мопс – короткошерстные животные. Вымыл их, высушил – и все. Йоркширица Жюли обладает длинной роскошной шерстью. Каждый вечер Серафима Ивановна, вооруженная специальными расчесочками и щетками, причесывает любимицу, затрачивая на процедуру около часа. А вот несчастная пуделиха Черри носится по дому вся в колтунах. Домашним недосуг рыться в ее на удивление густой шерсти.

Примерно раз в три месяца парикмахерша, горестно вздыхая, совершает процесс превращения Черри из заросшего полкана в «голую ложкинскую собачку».

– Это не стрижка, а бритье несчастного животного, – причитает мастерица, – ну хоть раз в недельку чесаните беднягу.

Но все пропускают ее мольбы мимо ушей. Единственный человек, мужественно берущий в руки щетку-пуходерку, – Денька. Правда, разрезая и вычесывая спутанные клоки шерсти, он употребляет отнюдь не парламентские выражения.

На следующий день я проснулась почти в темноте и сладко потянулась. Наверное, солнце еще не вылезло – часов шесть, не позже. Когда я была преподавателем, приходилось вставать в семь, и я очень любила, открыв ночью глаза, сообразить, что подниматься еще рано и впереди пара часиков безмятежного отдыха. Однако странно, время раннее, а чувство такое, будто я великолепно выпалась. Кинув взор на будильник, я слетела с кровати. Стрелки показывали десять! Отчего такая темень?

Раздёрнув занавески, я выглянула в сад. Серые тучи низко нависли почти над самой землей. Осадков пока никаких, но, очевидно, скоро над Москвой разразится то ли пурга, то ли дождь...

На похороны Игоря собралось совсем немного народа. Да и судебно-медицинский морг не располагал ни к каким прощаниям. Несколько помятого вида мужиков в грязных белых халатах споро запихнули самый обычный, обтянутый ситцем гроб в автобус, и тот помчался в Николо-Архангельский крематорий. На боковых сиденьях ритуального транспортного средства скорбно сидели незнакомые люди: пожилая женщина в платке, девчонка лет пятнадцати, мужчина на вид моложе Игоря и опухшая то ли от слез, то ли от выпитой водки Алиса. В крематории к катафалку подошел благоухающий дорогим одеколоном Виталий. Он положил в гроб роскошный букет белых хризантем, пышный и абсолютно неуместный. С такими цветами отправляются замуж, а не на тот свет.

Пожилая женщина с рыданиями кинулась на грудь того, что осталось от Игоря. Желтое восковое лицо, заострившийся нос, руки почему-то сжаты в кулаки, а на лбу белая бумажная лента с молитвой. Вот уж не подумала бы, что Марков верующий, хотя, наверное, отпевание заказал кто-то из родственников...

Полная тетка с равнодушным взглядом произнесла пару дежурных фраз о скорби и горе. Потом полозя запищали, и гроб погрузился в бездну, где телу Игоря предстояло стать горсткой пепла. Есть в обряде кремации какая-то безнадежная жестокость!

Молодой мужчина подошел к нам с Виталием и пригласил на поминки. Оглядев жалкую кучку родственников, я с тяжелым сердцем согласилась и пошла к «Вольво».

– погоди, – крикнул Орлов, – садись ко мне, я за автобусом поеду!

Я вздохнула. С неба сыпал то ли дождь, то ли снег. Завывал бешеный ветер, холод стоял немыслимый – впрочем, на погосте всегда пробирает дрожь. Если начну вновь прикидываться бедной журналисткой, придется потом ехать выручать свой автомобиль. К тому же там сотовый, сигареты и все документы вместе с кошельком. Маркова уже нет, в детективном агентстве мне не работать, так что Орлову придется сказать правду. И, чувствуя, как пронизывающая стужа забирается под юбку, я резко ответила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.